

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

РАБ ЛАМПЫ

Раб лампы

«Автор»

Раб лампы / «Автор»,

ISBN 978-5-17-075141-9

Нет у женщины более близкого человека, чем лучшая подруга... Нет у женщины более сильного и злобного врага, чем лучшая подруга... Хорошо, если вам повезло и между вами не пробежала черная кошка по имени ЗАВИСТЬ. Но если подруга оказалась более успешна и талантлива, если ее любят больше, чем вас, дружба потихонечку превращается в соперничество, а общение - в выяснение отношений. И вот уже одна «теряет лицо» и от обычной зависти переходит к активным действиям под девизом: разрушить жизнь успешной и талантливой подруги. Жизнь звезды превращается в кошмар, но никто не верит в то, что это не простой пиар до тех пор, пока не прольется кровь...

ISBN 978-5-17-075141-9

© Автор

Содержание

Лампа	5
Очертания	16
Ноги	30
Торс	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наталья Андреева

Раб лампы

Книга от начала и до конца лишь вымысел автора, любые совпадения имен и событий случайны.

Лампа

Она стояла над тем, что было когда-то любимой скульптурой, и даже заплакать не могла. Слез не было. Внутри – пустота. Ощущение такое, будто через нее пропустили мощный электрический разряд, и все выгорело дотла: сердце, легкие, бронхи. Не было дыхания, по жилам не струилась больше кровь. Там, внутри, один лишь пепел. Так и стояла, бессильно опустив руки. Что толку плакать? Лимбо умерла. Три месяца работы – насмарку. Лимбо умерла, на дворе март месяц, все опостылело, осталась только смертельная усталость. Двадцать лет бешеной гонки за славой, а вы попробуйте так-то: без денег, без связей, без родословной. Только талантом и трудом, трудом и талантом. А кто-то взял – и за двадцать минут уничтожил то, что создавалось несколько месяцев... Сама же идея вынашивалась не один год. Чтобы в итоге на свет появилась скульптура под названием «Лимбо». К персональной выставке, которая должна состояться вот-вот, в конце марта. Она уже понимала, что восстановить Лимбо так быстро не удастся. Значит, выставка пройдет без нее. Без нее... – Ну-ну, успокойся.

Это муж. Положил руку на плечо, ласково и бережно погладил. А она разозлилась. И тут же сорвалась:

– «Успокойся»? Да, тебе-то что! Не ты ночей не спал! Мучился, вынашивал идею. Не ты руками гнул это проклятое железо, резался до крови, слеп над сваркой! Не ты...

Тут она захлебнулась от возмущения, а муж воспользовался паузой.

– А кто тебя заставлял делать скульптуру из стальных пластин? Выпендриться захотелось? Раньше ты работала с глиной. С мрамором. Чем тебе не угодили шамот, керамика, терракота? Ну, отлила бы ее из бронзы. Потянуло на авангардизм? Не женское это дело: варить. Да что я говорю? – Он махнул рукой. – Разве в тебе осталось хоть что-то от женщины? Ты не женщина, ты – скульптор! Мужской род!

– Зато ты – баба! – не осталась в долгу она. И сжала кулаки. Да, руки у нее не женские. Кисти рук большие, пальцы короткие, подушечки словно расплющены ударом молотка, ногти коротко острижены. Но это для дела. Все в ней – для дела, для любимой работы. А он... – Тебе на меня наплевать! На мои чувства! Я для тебя не женщина, потому что ты уже давно меня не любишь. А любишь только деньги, которые я зарабатываю.

– Ты не забывай: это и мое дело тоже, – обиделся он. – Я в него все свои силы вложил. И время, между прочим. Это я занимался твоими делами, с бухгалтерией договаривался об аренде помещений, о цене на твои скульптуры, наконец.

– Счетовод, – сказала она презрительно.

– Экономист, – поправил он.

– Все равно счетовод!

– Ну, знаешь!

Он обиделся и ушел наверх, в спальню. Их загородный дом – небольшой по размерам, но вместительный. Ничего лишнего и никакой роскоши. Внизу – ее мастерская, гостиная с камином и кухня. Наверху – спальни, крохотная гардеробная. Есть еще летняя веранда, но сейчас дверь туда закрыта наглухо. До апреля, когда станет тепло. Она любит работать в одиночестве,

на природе. И кто бы мог подумать, что сюда залезут вандалы! Ничего ведь не украдено! Лишь Лимбо убита.

Она с тоской посмотрела на почти бесформенный кусок железа. Которое когда-то было женщиной. Черной, как ночь. Потому что это Лимбо. Африканка. Какие у нее были чувственные губы! А грудь! А какие руки! Муж ворчал: «Почему ты всегда промахиваешься с руками? То они у тебя какой-то невероятной, нечеловеческой длины, то одна короче другой. Попробуй это продать!»

– Ложь, – сказала она вслух.

Руки у Лимбо были замечательные. Да, длинные. Зато какие выразительные! Над каждым пальчиком она трудилась особо. Над каждым ноготком. И что от всего этого осталось? Груда железа! Муж прав: надо было отлить Лимбо из бронзы, покрыть патиной. Тогда бы она не была такой относительно легкой по весу и пустой внутри. И вандал бы с ней так легко не справился. Она стиснула зубы и застонала. Пепел внутри ожил, собираясь в ком, который в итоге застрял в горле. Как же больно-то! Как больно!

Где Алик? Ах да! Он ушел наверх. Не продолжить ли выяснение отношений? Надо выпустить пар. Она тоже поднялась наверх, прислушалась. Алик в ее спальне. Когда вошла, он глухо спросил:

– Милицию вызывать будем?

– Ничего же не взяли.

– Да? Не ходи сюда, – сказал он торопливо, почувствовав ее движение.

Подождал к кровати и быстро свернул в узел постельное белье.

– Что такое?

– Кто-то здесь развлекался.

– Ты хочешь сказать...

– Он был один. Мужчина. Не исключая, что делал это с Лимбо. А потом сволок ее вниз, в мастерскую, и уничтожил.

Она невольно взялась рукой за шею и принялась ее растирать. Проклятый ком, застрявший в горле, увеличился в размерах. Ей стало душно.

– Но почему, Алик? Почему?

– Все звезды подвергаются преследованиям поклонников. – Он пожал плечами.

– Но я же не актриса! Не поп-дива! Не модель! Я – скульптор! Художник! И мне сорок лет!

– При чем здесь возраст? Ты ваяешь скульптуры эротического содержания, – сказал он спокойно. – Твоя Лимбо была голой. Да и на остальных не много одежды. Не говоря уже о позах.

– То они, а то я.

– Не скажи. Им нельзя сделать больно. Нельзя отомстить. За то, что они такие... вызывающие. А тебе можно. Так что с милицией? Скандал нам не помешает, – задумчиво протянул муж. – Накануне выставки это было бы кстати. Я, пожалуй, позвоню в газету. Пусть приедет корреспондент и снимет растерзанную Лимбо. Вот это будет пиар! – Он возбужденно потер руки.

– Что еще ты готов продать, чтобы у меня был пиар? Постель, на которой маньяк занимался любовью со статуей? Видеосъемку нашего с тобой полового акта? Мои стоны во время оргазма?

– Точно – не женщина, – сказал он с удовлетворением. – Как грубо и откровенно!

– Счетовод!

Она выскочила из спальни, хлопнув дверью. Скоро сюда приедут корреспонденты. А завтра на первых полосах – сенсация. Маньяк врывается в дом к известному скульптору Марга-

рите Мун и занимается любовью со статуей голой африканки. А потом кувалдой превращает ее в лепешку. Алик прав: это был мужчина. Тут сила нужна. Выходит, звоночек прозвенел? Кто-то желает Маргарите Мун смерти. Пока убил скульптуру, но кто знает? Вдруг следующей жертвой намечена та, что ее сотворила? А охраны у Маргариты Мун нет.

Она вышла на улицу. Ворота были распахнуты, она увидела, как мимо не спеша идет сосед. Карл Янович. Каждый раз с ее языка почти уже срывалось: «карла». Маленького роста – да с таким именем! Поэтому она всегда обращалась к нему после паузы, заставляя себя не ошибиться. Еще обидится.

– Карл Янович!

– Да? – Он обернулся. – Что такое?

– Подождите.

Она быстро подошла к воротам. Сосед посмотрел на нее снизу вверх. Вообще-то они одного роста, Маргарита Мун не великанша, но на каблуках она выше, чем сосед. Сейчас на ней модные сапожки на шпильке. И он смотрит снизу вверх.

– Что-то случилось, Маргарита Ивановна?

– Да. К нам залез вор.

– Да что вы говорите? – Сосед заволновался.

– Вы давно здесь?

– Приехал вчера вечером.

– И ничего не слышали? Он сломал замок на входной двери. Сигнализация отчего-то не сработала.

– В милицию звонили?

– Нет. Я – не звонила. Этим занимается муж.

– И... много украли?

– Скульптуру. Не украли, а... разбили. Неужели вы ничего не слышали? Он же лупил по ней молотком!

– Какое безобразие! – с чувством сказал сосед. – Увы! Я приехал поздно, тут же лег спать. Он, должно быть, влез ночью. Увы! Я ничего не слышал! Так устал за неделю, что спал мертвым сном. – Он с сожалением покачал головой. – Увы! В вашем доме толстые стены, Маргарита Ивановна. А на удары молотка из вашей мастерской в поселке давно уже не обращают внимания...

«Смешная шляпа, – подумала она. – В ней он похож на гриб. Я бы так и вылепила его: грибом. А без нее будет видна огромная лысина. Впрочем, лысина – это хорошо. Из примечательной лысины выйдет толк...»

– А? Что?

– Говорю, почему же не сработала сигнализация?

– Понятия не имею!

– Вы жалуйтесь, Маргарита Ивановна. Жалуйтесь.

– Кому?

– Есть же у них начальство? Я имею в виду вневедомственную охрану.

– А вы знаете его телефон? Я имею в виду начальство.

– Да! Конечно!

– Что, к вам тоже залезали? И тоже не сработала сигнализация?

– Дуся!

Муж стоял на пороге и пытался до нее докричаться.

– Дуся, иди сюда!

– Всего хорошего... Карла Янович!

Она побагровела и кинулась к дому. Услышал, нет? Ну и имечко у человека! Впрочем, у ее мужа не лучше! Альберт Валерианович! Язык сломаешь! Да еще и Дерё! Альберт Валерианович Дерё! А какая фамилия у соседа, интересно? Тоже какое-нибудь Ре-До?

Ее девичья фамилия – Грошикова. Евдокия Грошикова. Когда подавали заявление в загс, она сказала:

– Алик, не настаивай. Евдокия Ивановна Дерё! Хочешь людей насмешить?

И осталась Дусей Грошиковой. Зато потом получила:

– Евдокия Ивановна Грошикова – модный скульптор! Дуся, кто из нас смешит людей?

– И что ты предлагаешь?

– Псевдоним!

– И... какой?

– Вноси предложения, – великодушно разрешил муж. Здравому смыслу у него хватало, а вот фантазии ни грамма.

– Алик, я не знаю. Мне нравится собственное имя. Но если ты настаиваешь... Выбирай сам. Как скажешь, так и будет.

Тогда еще она, по мнению Альберта Дерё, была женщиной. Потому что решения по всем без исключения вопросам принимал он, мужчина.

– Ну... Какой-нибудь Стар, Дэнс, Бэнц.

– Почему же обязательно не по-русски?

– Чтобы запоминалось.

– Тогда, может, Мун?

– Почему Мун?

– Мун – по-английски луна. Мооп. Луна и грош. Есть такая пьеса. Раз я Грошикова...

– Интересная логика. – Он пожевал губами. – Хм... Мун! А имя?

– Раз луна, то, к примеру, Маргарита. Как у Булгакова. Помнишь – она летала ночью на бал к Сатане?

– Ну и логика! – повторил он. – Точно: женская! Маргарита Мун. А что? Неплохо! Маргарита Мун – модный скульптор! Дуся, а это звучит!

Так она стала Маргаритой Мун. А скульптором Евдокия родилась. Что же касается мужского рода... Нет слова «скульпторша». Тут уж ничего не поделаешь. Имя же, как известно, есть судьба. Оно накладывает отпечаток. Если тебя называют «скульптор», то и взгляд у тебя жесткий, приценивающийся. Ты не смотришь, ты прикидываешь. Лоб хорош, нос тоже, а подбородок подкачал. И что с этим делать? Лепить! С другим подбородком...

– Дуся!

– Ну что тебе?

– Сейчас придут! – возбужденно ответил Альберт.

– Милиция?

– Да какая милиция? Корреспонденты! Мы в точку попали! Им сейчас не о чем писать! На политическом фронте затишье, громкий развод поп-дивы обсосали, звезды в депрессии, март месяц, многие гриппуют. Сидят по домам, носа не высовывают. Не скандалят, не дерутся, не напиваются. Звездных премьер нет. А тут – мы! «Уничтожена статуя эротического содержания!» У меня есть фотографии Лимбо в разных ракурсах! Хорошо, что я успел ее заснять! Завтра будем на первых полосах!

– Мне что – спасибо ему сказать? Маньяку этому?

– Дура! На твою выставку народ повалит! Эх, и денег мы заработаем! – Он в предвкушении потер руки. – Это же просто подарок судьбы! Ты бы мне лучше спасибо сказала! За то, что я на всякий случай фотографирую твои работы! И снимаю на видеокамеру процесс ваяния! Хотя ты каждый раз на меня орешь и гонишь прочь. Но с Лимбо я успел.

– Ты собираешься это продать?

– Конечно!

– Ты меня за этим позвал?

– Нет. Давай, переодевайся. В рабочее. Готовься, одним словом.

– Я... Я не могу. Ты правда не понимаешь? Мне больно!

– А жить вообще больно, Дуся, – усмехнулся Дерев. – Так что не сопротивляйся. Терпи.

– Скажи... А сколько денег ты собираешься заработать на моей смерти?

– Да ты что, Дуся? Ты мне живая нужна!

– Значит, живая я пока дороже?

– Хочешь поссориться? Не выйдет. Сейчас приедут корреспонденты. В отличие от тебя, я знаю цену деньгам. Потому что я твой менеджер. Фактически это я их зарабатываю. Мне невыгодно с тобой сейчас ссориться.

– А не имеешь ли ты отношения к смерти Лимбо? – подозрительно спросила она.

– С ума сошла? – вяло возмутился Дерев.

– Не удивлюсь. Я для тебя только средство. Ты меня больше не любишь. Мы давно уже на грани развода.

– Хочешь об этом поговорить? Хорошо, но потом.

– Когда?

– После выставки, – торопливо сказал он. – Сначала работа, потом...

– Как деньги делить будем? – тихо спросила она. – Деньги, квартиру, машины? Этот дом?

– После выставки, – повторил он.

И ушел в гостиную.

Она слышала, как муж опять кому-то названивает. Похоже, собрался устроить здесь прессконференцию. Хочет, чтобы она рыдала над тем, что осталось от Лимбо, на глазах у кроважидных журналистов. А где взять слезы? Брак разваливается. Это ж полжизни! Вот где трагедия! И слезы давно уже кончились!

Полжизни... А что она видела? Работа, работа, работа... Даже детей у них с Аликом нет. Некогда было. Впрочем, в сорок лет еще не поздно. Но разве он позволит? Работай! Делай деньги! Сейчас, когда пришел наконец успех, рожать детей?! С ума сошла! Деньги надо делать! Деньги!!!

– А я не хочу! Не хочу так больше!

– Что ты кричишь? – Он заглянул в мастерскую, где она вновь зависла над растерзанной Лимбо. – Я, между прочим, по телефону разговариваю! Да? Что вы сказали? Разумеется, в состоянии! Если вы не можете подъехать, я лично привезу жену к вам в издательство...

Выставка прошла с огромным успехом. И это во времена, когда интерес к скульптуре почти угас! Альберт Дерев выжал из гибели Лимбо все, что было возможно. Пресса подняла такой шум, что народ валом повалил глянуть: что ж там такое? Неужели, и впрямь, все голые? Газеты захлеб писали о скандале вокруг Маргариты Мун. А где скандал, там и слава. Едва она стала модной, как нашлись богатые покупатели. Цена на эротические скульптуры Маргариты Мун взлетела до небес. И не счесть было заказов на копию Лимбо. Что ж это он так? Маньяк то есть. Любовью с ней занимался, со статуей! Что же та скульптура собой представляла?!

В общем, успех. Его Величество Случай. Маргарита Мун давно уже вышла из тени и считалась крепкой профессионалкой. Ее работы охотно покупали, но платили не как звезде. Денег хватало лишь потому, что она работала много. Все у нее было: талант, усидчивость, нечеловеческая работоспособность. Удачи не хватало. И не было бы счастья, если бы...

Только ей уже было все равно. Десять, двадцать, тридцать копий Лимбо? Из бронзы, из гипса, в два раза меньше, в три... Да кому это нужно! Впрочем, муж и не настаивал.

– Сделай одну. Из бронзы. Отправим в литейный цех, там растиражируют. Покроют черной патиной – будет не хуже той, изначальной, из стали. Можно сделать мраморный бюстик. Да хоть пресс-папье! Настольную лампу! А что? Если в груди будут лампочки... – Он задумался. –

Светящаяся Лимбо? Хм!.. А ты свое клеймо поставишь – и получишь львиную долю прибыли. «От Маргариты Мун»! – Он счастливо засмеялся.

– Ширпотреб. Алик, ты делаешь из меня ширпотреб! Лимбо – пресс-папье! Лампа! Помнись! Она одна, понимаешь? Одна! Какие копии! Какие лампы!

– Дуся, не капризничай. Это и есть успех. Когда искусство идет в массы. А ты сама? Забыла, как рисовала эскизы чайных сервизов? А пряжки? А пробки для бутылок?

– У нас не было денег. И я бралась за любую работу.

– Вот для того, чтобы у нас отныне всегда были деньги, а ты могла работать в свое удовольствие, я и стараюсь.

– Ты меня убиваешь.

– Дуся, не делай трагедию из пустяка.

Разлад. Они друг друга больше не понимали. А тут еще маньяк. Преследователь. Неужели он успокоится, увидев, как лихо расходуется уничтоженная им африканка? И кому он, спрашивается, будет мстить? Мужу? Прессе, поднявшей такой шум? Нет! Он будет мстить Маргарите Мун!

Она почувствовала страх. И по привычке кинулась искать утешения у лучшей подруги. Они с Кларой дружили с первого курса института, когда снимали одну комнату на двоих. Три года не разлей вода, пока Клара не выскочила замуж за москвича и не съехала к нему. Вскоре она родила девочку и взяла академический отпуск. Институт Клара так и не окончила, но в графе «образование» всегда писала «высшее». Врала Клара постоянно, но ложью это не считала. Это получалось у нее так легко и непринужденно, что все ей верили. Ну кому придет в голову проверять, есть ли у светской львицы Клары Гатиной диплом о высшем образовании? Зато все знают о ее дружбе с известным скульптором Маргаритой Мун.

– Ах, мы же учились вместе! – говорила Клара, обнимая подругу. И все думали: ну, раз учились, значит, и дипломы есть у обеих.

В отличие от трудяги Дуси Грошиковой, Клара не работала ни дня. У ее мужа был собственный бизнес, и Клара наслаждалась жизнью, тратя его деньги. Особенно сейчас, когда дочь выросла и стала студенткой, большую часть дня проводя вне дома.

Они встретились в модном японском ресторане, куда обе приехали на собственных машинах. С некоторых пор Маргарита Мун не пользовалась услугами общественного транспорта: ее стали узнавать. Что же касается Клары, то она *никогда* не ездила на метро. Так она говорила. Да и действительно давно не ездила. Последний раз – во времена голодной студенческой юности.

– Ну, что случилось, Дуня? – спросила подруга, глядя на нее поверх открытого меню.

– Ничего.

– Не ври мне.

Клара, которая врала постоянно, требовала, чтобы люди говорили ей правду! А Дуся Грошикова не умела врать. Поэтому она молчала. Сделали заказ. Официант ушел, и Клара настойчиво повторила:

– Что случилось? И где твой Ми-соль?

– Дереве, – машинально поправила Маргарита. – Его фамилия Дереве.

– Какая разница. Так где Фа-ля?

Она невольно вздохнула. Алик и Клара не выносили друг друга. Подруга постоянно язвила, коверкая его фамилию, на что он отвечал всегда одной и той же фразой: «Клара у Карла украла кораллы». Фантазии у Альберта Дереве не было ни грамма.

– Ну что ты заладил? – морщилась Маргарита. – При чем здесь кораллы? Придумал бы что-нибудь новенькое!

Он не придумал ничего лучшего, чем игнорировать Клару. Они почти не встречались и старались не общаться по телефону. Маргарита уже поняла, что имя подруги в присутствии

Альберта Дерё лучше не произносить. Обычно сдержанный и корректный в высказываниях, потомственный интеллигент Альберт Валерианович Дерё тут же срывался и начинал орать:

- Она шлюха! Твоя подруга! Шлюха! Порядочной женщине рядом с ней не место!
- Ну откуда ты знаешь? Ты ей, может, свечку держал?
- Да на нее достаточно посмотреть!
- Возражаю. Клара в меру использует косметику, не носит «мини»...
- Это потому, что у нее ноги кривые!

И так далее. Клара отзывалась о Дерё не лучше. Помирить их не получалось. Маргарите Мун казалось, что оба выжидают, и рано или поздно один другого съест. Сейчас Клара почувствовала, что момент настал. Что подруга затем и вызвала ее на встречу.

– Алик занимается финансами, – проямлила Маргарита, уткнувшись в миску с крабовым супом.

– Ага! Деньги считает! Кстати, я тебя поздравляю. Это успех. Про тебя пишут во всех газетах. – Зависть Клары скрывать умела, ее голос даже не дрогнул. – Но вид у тебя невеселый. По-моему, ты должна быть счастлива...

– Да какое уж тут счастье! – Она махнула рукой. – Если бы писали о том, чем я занимаюсь! Ведь я иду вразрез с тенденциями современного искусства, в частности, скульптуры, отказывающейся от формы! Я – создательница нового стиля и в то же время продолжательница традиций Микеланджело, Родена, Бартоломео. Это новый классицизм, между прочим! Не считая Лимбо. Лимбо – это эксперимент. В основном я все же тяготею к классицизму... Но кому это интересно? Обо всем, что для меня важно – ни слова! Зато о моих доходах, нарядах, личной жизни... Да, у меня творческий подъем. Чего не скажешь о личной жизни. Понимаешь...

И полилось! Она жаловалась на Алику, а в глазах у Клары светилось торжество. Наконец-то! Клара молчала, давая подруге выговориться.

– ...Мы на грани развода, – закончила свою речь Маргарита Мун. – По-моему, он меня больше не любит. Да и я от него устала.

– Вот! – сказала наконец Клара. – Ты поняла! Нельзя всю жизнь посвятить одному мужчине. Ты себя похоронила, Дуня. Сколько ты замужем? Лет пятнадцать? И ни разу ему не изменила! Да куда это годится?

– Перестань!

– Тебе надо развеяться, – не унималась подруга. – Почувствовать вкус жизни. Я вот гляжу на твои скульптуры и думаю: не может быть, чтобы это сотворила женщина, которую я знаю, как себя! Редкостная зануда, верная жена...

– Клара!

– В тебе же бездна чувственности! Это видно из твоих работ. Там ты не стесняешься. Так почему в жизни ведешь себя как синий чулок?

– Потому что я такая и есть.

– Нет. Ты не такая. Просто твой До-си тебя запугал.

– Скажи, почему вы друг друга так ненавидите?

Клара тут же отвела взгляд, и Маргарита поняла: сейчас подруга соврет.

– Кто тебе сказал, что я ненавижу Дерё? – Она тут же отметила: Дерё! Значит, дело серьезно! – Он просто тебя недостойн, и я это вижу. Не красавец, да и зануда редкостный.

– Значит, мы друг друга стоим. – Маргарита невольно улыбнулась.

– Ничего подобного! Он тебя законсервировал. Подавил твои желания. И ты всю свою чувственность расходуешь, создавая скульптуры. Кстати, я хотела попросить у тебя копию Лимбо.

– Что?

– Прелесть что за девушка! Она непременно должна стоять в моей спальне. А тебе не кажется, что Лимбо похожа на меня?

Маргарита с сомнением посмотрела на Клару. Та была яркой блондинкой. Дере мстительно добавлял: «крашеной блондинкой». Но кожа у Клары была светлая, холодного тона, характерного как раз для блондинок, хотя глаза карие, а брови темные. По мнению скульптора Маргариты Мун, Клара была очень интересной женщиной, но ваять с нее негритянку Лимбо...

– Мне с трудом удалось справиться с собой, и новая Лимбо гораздо хуже той, которую убили... – туманно ответила – она.

– Чушь! Она хороша! Все мои знакомые в восторге! Вообще, милая, тебя недооценивали. Твой успех вполне заслужен. И теперь, когда у тебя есть деньги, ты должна расслабиться. Пора положить конец этой бешеной гонке. Теперь все, что выйдет из-под твоих рук, пойдет на «ура» и за хорошие деньги. Ты не должна стесняться. Трать их!

– Я ничего не хочу.

– Посмотри на улицу. Весна, Дуня! Мужики словно с ума посходили! Солнышко наконец пригрело. Снег растаял. Очнись! Тебе сорок лет! Так и жизнь пройдет.

– И что ты предлагаешь? – вяло спросила она и взяла с подноса кусочек ролла. Обмакнула в соевый соус, положила в рот, но вкуса не почувствовала. Весенний авитаминоз, что ли? Или депрессия?

– Я предлагаю обратить внимание и на других мужчин.

– Клара, меня это не интересует.

Подруга лукаво улыбнулась и напомнила:

– А как мы с тобой в институте, в нашей маленькой комнатке, в приятной компании...

– Клара! Я ведь тогда была не замужем!

– Ты и сейчас свободна.

– Формально мы с Аликом не в разводе.

– А фактически? Вы спите вместе?

– Нет. Давно уже нет. Я его как женщина не интересую.

– И какой смысл хранить верность?

– Как ты себе это представляешь? – сердито спросила Маргарита. – Меня же вся Москва знает! Пойдут сплетни.

– Не обязательно в Москве. Ты можешь поехать в секс-тур.

– Куда?!

– О Господи! В Турцию! В Египет! Есть туры для состоятельных дам. Чтобы не бегать за аниматорами, на каждого из которых очередь, а иметь персонального мальчика-пажа.

– Откуда ты знаешь?

– Я этим пользовалась.

Она посмотрела на Клару и подумала: «А Дере не так уж и не прав». Клара и не скрывала, что не хранит верность супругу, просто Маргарита не затрагивала эту тему. У подруги есть личная жизнь. Не хочет делиться подробностями – и не надо. И вот захотела!

– А ты не боишься, что Платон узнает?

– Мой Платоша из разряда хомячков, – улыбнулась Клара.

– Каких хомячков?

– Как в анекдоте. «Не буди во мне зверя, дорогая!» – «Да не боюсь я твоего хомячка!»

Так вот, мой Платоша – тот самый хомячок.

– Неужели он не ревнует?

– Мне-то что! Пусть ревнует!

– Потребует развода.

– Ха-ха! – процедила Клара. – Насмешила! Вот этого не будет!

– Почему?

– Из меркантильных соображений Платоша никогда со мной не разведется, – отчеканила супруга Платона Гатина.

– Но ведь фирма его!

– Была когда-то. – Клара пожала плечами. – Но Платон попал в неприятную историю с налоговой инспекцией, на него завели уголовное дело. С тех пор он предпочитает подставных лиц. Поэтому все имущество переписал на меня. И квартиру, и загородный дом, и обе машины. Даже денег на счету фирмы оставляет мало – большую часть переводит на мой. Потому что он трус. – Клара мстительно улыбнулась. – Он может ревновать, влюбляться, мечтать о свободе... Но я ему ее не дам. Он – мой раб. И будет меня содержать. До конца моих дней. А я буду жить как хочу.

– Ты хорошо устроилась, Клара, – не удержалась Маргарита.

– И тебе того желаю.

– Думаю, мне это не подойдет. Я имею в виду секс-тур.

– Ерунда! Поедем вместе. Я тоже не прочь развлечься.

– Мне не нравятся восточные мужчины. Ну не могу я! Не смотри так!

– Зря. По мне так они лучшие. Но на вкус и цвет товарища нет. И какие проблемы? Можно заказать русского мальчика. Они тоже подрабатывают на модных курортах. Это обойдется дороже, но... У тебя же теперь есть деньги! И у меня есть. Две состоятельные дамы могут позволить себе почти что угодно. Не переживай: я все беру на себя. Сама понимаешь, такие туры широко не рекламируются. Но я постоянная клиентка. И проверенная. Поэтому все будет в лучшем виде.

– Во что ты хочешь меня втравить? – с тоской спросила она.

– Дуня, это просто турпоездка. Тебе необязательно с ним спать. Просто ты будешь не одна, а в сопровождении молодого красивого мужчины. Он будет тебя развлекать. И ты забудешь на время о Си-до.

– Ну хорошо. Если просто турпоездка...

Так она дала себя уговорить. Клара взялась все устроить и обещала заехать на днях за деньгами и загранпаспортом подружки. У Маргариты было такое чувство, будто она уже совершила преступление. Она не могла смотреть Алику в глаза, поэтому позвонила и сказала, что едет на дачу. Работать. Ей показалось, что Дере обрадовался. «А вдруг у него кто-то есть? – Она похолодела. – Почему я так уверена, что муж не изменяет?» И – все. Отделаться от неприятных мыслей Дуся Грошикова уже не могла. Ведь она так часто уезжала на дачу, а он оставался один в московской квартире. Один ли? И Клара... Что-то между ними произошло. Между ней и Аликом. И это серьезно. Похоже, что Клара хочет отомстить. Лишить Дере постоянного источника доходов. А сил сопротивляться нет. Если бы Алик помог... Но он, как назло, делает все, чтобы развод состоялся. У него наверняка кто-то есть. Но проверить? Унизить себя слежкой? Клара права: она талантливая, богатая и знаменитая женщина. Состоявшаяся. Не след ей унижаться, бегая за мужем... Однако ведь полжизни! Они знакомы ровно двадцать лет, пятнадцать из них женаты... От этих мыслей могла отвлечь только работа. Она ушла в мастерскую и принялась лепить. Не заметила, как увлеклась. Это был мужчина. Все ее скульптуры мужского пола были чем-то похожи на Альберта Дере. В молодости Алик охотно позировал ей. Это сейчас он располнел, а раньше... Раньше она с таким увлечением лепила его голый торс! Спортсмены, люди искусства, даже греческие боги – все напоминали Альберта Дере. Который не был ни выдающимся спортсменом, ни человеком искусства, и уж конечно, не был богом. Но его голову украсил лавровый венок победителя. Эту скульптуру Дере любил особенно. А она...

– Евдокия Ивановна, изучайте! Изучайте анатомию! Изучайте мужское тело! В подробностях! У вас не получается, – говорил ей на занятиях старичок-преподаватель. И приводил специально для нее молодых красивых натурщиков, которые раздевались за ширмой, а когда выходили, она мучительно краснела. – Девочка моя, что это такое?

Он тыкал пальцем туда, куда она боялась и посмотреть.

– У вас талант, но вам надо работать. Много работать... Э, да вы даже не смотрите! Ну, что это такое?

– Ну, что это такое? – спросила она только что вылепленный торс. – На кого ты похож? У тебя непропорционально длинные руки! А самое главное, что ты ничуть не похож на Алика! Ты тощий! И он будет ругаться! Он будет ревновать!

Ей показалось, что хлопнула входная дверь. Сквозняки. Надо было запереть ее. Хотя кого тут бояться? Поселок огорожен каменным забором, в будке у шлагбаума охранник. А как же тогда в ее дом проник злоумышленник? Она вздрогнула и схватила тряпку, чтобы вытереть руки. Надо закрыть дверь.

В холле никого не было. Она вздохнула: слава богу! Посмотрела в окошко: в соседнем доме на втором этаже горели окна. Карла Янович дома. Ей стало спокойнее. Она заперла дверь и проверила засов: надежно. Ведь придется ночевать одной. А разве раньше такого не случилось? Случалось, но... Это было до гибели Лимбо. Впрочем, с тех пор маньяк никак не напомнил о себе. Так отчего же она нервничает?

Надо позвонить Алику. Может быть, он придет? Было время, когда, ночь-полночь, муж бросал все дела и мчался утешать любимую Дусю. Когда ее громили критики, работы не брали на выставку, срывался заказ. Она привыкла, что Алик – как пожарная машина. Надо ему позвонить. Мобильный телефон так и лежал в сумочке. А та осталась в холле, на калошнице.

Пришлось вернуться в холл. Она еще раз подергала дверную ручку и убедилась: заперто. Взяла сумочку и вернулась в мастерскую. Достала мобильный телефон. Потом стала искать жевательную резинку, будто по телефону Дере мог почувствовать неприятный запах у нее изо рта. Она сделала это машинально. Алик был аккуратен до тошноты и брезглив. Роясь в содержимом ридикюльчика, она нащупала смятый бумажный листок. Поморщилась: что за беспорядок! Надо время от времени выбрасывать всякую дрянь, которая скапливается непонятным образом. К примеру, как *это* сюда попало? Какая-то афиша?

Она вытащила сложенный вчетверо лист обычной принтерной бумаги. Развернула его и вздрогнула. Во весь лист огромными печатными буквами было написано:

«За тобой должок, сука!»

Как *это* сюда попало?! Она кинулась в холл, в третий раз подергала дверь. И без сил опустилась на калошницу. Как *это* сюда попало? Вспоминай! Как прошел день? Где была? С кем общалась? Завтракала с Аликом, встречалась с Кларой. Потом поехала сюда. И – все. Ни деловых встреч, ни интервью. Когда в ее сумочку могли засунуть угрожающее послание? Ведь это угроза? И что теперь? Звонить в милицию? Она заметалась. Если милиция, то местная. Когда они придут? Если вообще придут. Всю ночь сидеть, ждать? А скорее всего откажут. Подумаешь, подбросили записку угрожающего содержания! В голову не пришло ничего лучше, чем позвонить Деру.

– Да! – раздался в трубке недовольный голос мужа.

– Алик, я нашла в сумочке записку.

– Какую записку? От кого?

– Я не знаю. Думаю, что от маньяка.

– Какого маньяка?

– Того самого, который уничтожил Лимбо. Он пишет: «За тобой должок, сука!» Неужели меня хотят убить?

– Да кому ты нужна! Погоди-ка... У меня есть знакомый. С телевидения.

– Он хочет меня убить?

– Он может вставить сюжет о тебе в рейтинговую телепередачу! Записка с угрозой... Это неплохо.

– Так ты что же – не приедешь?

– Опомнись! Ночь на дворе!

- А как же маньяк? – жалобно спросила она.
- Ложись спать! – рявкнул муж.
- Алик...

Он не дослушал и бросил трубку. Нервничая, она прошла по мастерской. Как *это* оказалось в ридикюле? Судя по реакции Дерев... Только он и Клара – больше никто не мог незаметно подложить ей записку.

В ресторане она уходила в дамскую комнату, а сумочка осталась лежать на столике... Но зачем это Кларе?

У Дев времени тоже было достаточно, чтобы подбросить записку... Но зачем это Алику?

Она задумалась. Муж нисколько не взволновался. Напротив, обрадовался возможности вновь привлечь к себе внимание прессы. Надо держаться на плаву, не позволяя о себе забыть. «Маньяк продолжает преследовать Маргариту Мун!» Неужели?..

Она немного успокоилась. Записка – дело рук Дев. «Звезды» постоянно сочиняют о себе истории, чтобы подогреть интерес. Якобы их преследуют, им угрожают, на них нападают. Алик знает, что врать она не умеет, и никогда на это не пойдет. Вот он и придумал ловкий ход. А Маргарита Мун скажет чистую правду. И даже не будет знать, кто за этим стоит.

Она успокоилась окончательно. С запиской понятно. Дело рук Дев. Но какое право он имеет так с ней поступать? Думает, что она не догадается? Ну уж нет! Это ему с рук не сойдет! Довольно! Джинн выпущен из бутылки! Маргарита Мун будет мстить! Она едет с Кларой на курорт!

Очертания

Когда она сообщила об отъезде, Альберт Дерев откровенно обрадовался.

– На две недели? Да это же здорово, Дуся! Нам надо друг от друга отдохнуть!

– Скажи честно: у тебя любовница?

– Какая любовница? У меня есть время на любовниц? Я же все время занят твоими делами! – разозлился Дев.

– Ты сердишься, Юпитер – значит, ты...

– Ну хватит! Когда отъезд?

– Я тебя огорчу: недельку придется потерпеть. Мы оформляем документы.

– Мы?

– Я и Клара.

– Ах так! Ты и эта...

– Без комментариев.

– Если бы я тебя не знал, то отменил бы эту поездку.

– Значит, я вне подозрений? Ты и мысли не допускаешь, что я могу кем-нибудь увлечься?

– У тебя на это времени нет. Я веду переговоры с городскими властями. Ты у нас нынче модный скульптор. Твои работы могли бы украсить улицы города. Но проекты утверждает городская Дума. Их у нее на рассмотрении сейчас не менее двухсот. Я разделяю их на три группы. Первая – те, которые финансируются заказчиками. Вторая – просто талантливые произведения, которые достойны реализации. Третья – устанавливаемые за счет государства. Я их называю «всегда», «никогда» и «свои люди – сочтемся». Чтобы добиться государственного финансирования, надо постараться. Хорошо, что у меня есть связи. Я знаю, что ты тяготеешь к монументализму. У тебя получится.

– И во что нам это обойдется?

– Это не твоё дело. Твоё дело – ваять.

– Что именно?

– А какая разница? Мы, Дуся, живём во времена мультикультуры. Население города делится на враждебные друг другу микросообщества. Что не нравится одним, приводит в восторг других. Что бы ты ни сделала – кому-нибудь это понравится. Пусть ругают. Хуже, когда молчат.

– Тебя потянуло на философию?

– Я подумываю о том, чтобы писать статьи в солидные журналы, – важно сказал Дев.

– По поводу?

– К примеру, о современной скульптуре.

– Что ты в этом понимаешь? Счетовод!

– Во-первых, я экономист, – буркнул Дев. – А во-вторых... Вали на курорт со своей развратной подружкой. Не мешай мне.

В аэропорт она ехала на такси. Дев отправился на деловую встречу. С Кларой встретились во время регистрации рейса. Та поцеловала подружку в щеку и спросила:

– Ну, как все прошло? До-ми разозлился? Кричал?

– Обрадовался. Сказал, что нам надо друг от друга отдохнуть.

– У него любовница, – уверенно сказала Клара. – Ну и ты не теряйся. У тебя будет чудесный мальчик. Я видела фотографии.

– Ничего не будет, – вздохнула она. И повторила: – Не будет ничего.

В самолёте Клара откинулась на спинку кресла и тут же уснула. Нервы у нее были как канаты, самолетов она не боялась. Ни самолетов, ни дьявола, ни мужа Платошу. Хомячка. Ведь это была Клара! А Маргарита Мун никак не могла уснуть. Смотрела в иллюминатор, зевала,

время от времени закрывала глаза. Но – не спалось. Как и всегда в дороге, в голову лезли разные мысли. К примеру: как ты дошла до жизни такой? Летишь в Египет, на модный курорт, живешь в Москве, в хорошей квартире, есть у тебя и деньги, и даже слава. А ведь судьба тебе была, Дуся Грошикова, жить безвылазно в деревеньке Лопоток, у мелкой речушки с одноименным названием. Да ты с этим не согласилась...

Первое, что она запомнила: груда песка у ворот родного дома. Ей было года четыре. Прошел дождь, они с соседским мальчиком строили башню. И вдруг... Рука нащупала что-то странное.

Кусочек мялся и принимал желаемую форму. Дуся выудила это из песка – и через пару минут в ее руке была голова лошади. Момент – и вновь бесформенный кусок. А потом – голова собаки. Это так ее заинтересовало, что башня была забыта.

Прошло время, и она сообразила, что *это* берется из песчаного карьера. И узнала, как называется. Глина.

– Айда на карьер! – звала она друзей. И прихватывала пластмассовое ведро с совочком.

Игры играми, но с карьера Дуся уходила с полным ведром. А дальше – часами размачивала глину, мяла, лепила, потом сушила. После додумалась обжигать фигурки. Лепить она могла часами. Девочку никто не понимал; в деревне Лопоток ее прозвали Дусей-дурочкой.

– Вон Дуся-дурочка с ведром идет! Эй! Почем грязь продаешь?

Мать ее жалела, считала тронутой. Сгребала в подол и выбрасывала на помойку глиняных лошадок и котят, безжалостно разбивала их камнями. Дуся плакала, но тут же лепила новых. В сельской школе ее поделки поначалу признания не нашли. Учительница рисования, дав детям задание, убегала на участок, который был тут же, при школе, как и ее квартирка. Дусины рисунки она ругала:

– Грошикова, я тебе что велела? Чтобы было красиво! И краски не расплывались! И почему на твоих рисунках сплошные кляксы?

– Это тени. Все предметы отбрасывают тени, – тихим голосом объясняла она.

– Учить ты меня будешь! Переделать!

В ее аттестате красовалась тройка по рисованию. При том, что училась Дуся на «хорошо» и «отлично». Но с учительницей рисования не поладила. В восьмом классе ее поделки стали брать на школьные выставки. Все ходили, дивились:

– А ведь как живые! Ай да Дуся-дурочка!

Мать же сердилась.

– Как не родная. Подкидыш. Одно знает: с глиной возиться. Матери бы помогла! Грядки заросли! Поросята от голода визжат! А она сидит. Я тебе сколько раз говорила: нечего летом дрова жечь, печь топить! Кто ж тебя замуж возьмет, дуреха? Ничего-то ты не умеешь!

Жили не бедно. Хозяйство было большое: две коровы, поросята, куры, кролики. Мясо возили на рынок, туда же по осени половину урожая картофеля. Деньги мать складывала на книжку, на черный день. Дуся постоянно просила краски, потому что они очень уж быстро заканчивались, но ей не покупали. Мать была прижимиста, а отец не смел перечить. Она искала природные красители – румянить щеки своих глиняных друзей. Чтобы ожили. Некоторые поделки были ей особенно дороги, и она старательно прятала их от матери. Та говорила раздраженно и устало:

– Выбрось дурь из головы! На ферму пойдешь работать! Дояркой!

Но дочь настояла на том, чтобы ездить в город, где была десятилетка. Полчаса на рейсовом автобусе туда, полчаса обратно. Зато в новой школе к ней были более снисходительны и уже не звали дурочкой. А одна из ее работ, фигура пионерки, даже украсила актовый зал. Но все сходились на том, что занятие это бесперспективное, и Дусе Грошиковой ни за что не пробиться. Мало ли в Москве таких талантливых! Мать же внушала:

– Иди в веттехникум. Раз аттестат без троек, так и возьмут без экзаменов. Будешь в колхозе уважаемым человеком. Пойдем.

– Куда?

– Корову доить.

– Я ее боюсь!

– Корову! Боишься! Как не деревенская! А ну – идем!

Скотину Дуся Грошикова не любила. В этом мать была права. А рогатую корову так просто боялась. Та признавала только мать. Дуся повязывала на голову материн платок, опуская его до самых бровей, но упрямое животное все равно не давалось – хлестало хвостом, било ногой. Вот и опять – подоилник в очередной раз перевернулся, молоко пролилось. Дуся вскочила и кинулась матери на грудь. А та вдруг и сама расплакалась.

– И-и-и... Бедная ты моя, несчастная! Неумеха! Да как же ты будешь жить, доча?..

Она посмотрела в иллюминатор и улыбнулась. Да вот так, мама! Устраивать персональные выставки, ходить в модные рестораны, летать на курорты, водить дорогую машину. За двадцать лет много воды утекло. Мир изменился. И Дуся Грошикова изменилась. Теперь она уже не Дуся, а Маргарита Мун. А пошла бы в веттехникум – на всю жизнь осталась бы в деревне Лопоток.

– Клара, ты спишь?

– А? Что, уже прилетели?

– Нет еще.

– Тогда не буди меня.

– Ты же ничего не делаешь, на работу не ходишь, хозяйством занимается домработница – неужели не высыпаетесь? – удивилась она.

– Спать я могу сколько угодно, – сказала Клара и закрыла глаза. Вскоре она уже сопела носом.

Маргарите пришлось смириться. Поболтать не удастся. Журнал, что ли, почитать? Но читать в самолете она не любила. Ни в поезде, ни в самолете, ни в машине. Сидела, смотрела в журнал, но видела совсем не те картинки...

Окончив десятилетку, Дуся Грошикова сложила в хозяйственную сумку любимые поделки из глины и поехала в Москву – ближайший к деревне Лопоток крупный город, где можно было выучиться на скульптора. В Суриковском художественном институте ее допустили до экзаменов. Остановилась Дуся у двоюродной сестры матери, сказав, что это ненадолго. И – как в воду глядела! Рисунок она сдала на «тройку». Это был конец. Она стала собирать вещи.

Дуся удивилась, когда ее захотел видеть председатель приемной комиссии, известный на всю Россию художник. Вцепившись в ручку хозяйственной сумки, где лежали поделки, она вошла в кабинет. Художник был один.

– Садитесь, – сурово сказал он.

Дуся присела на краешек стула и съежилась. Она увидела на столе перед знаменитостью свои документы.

– Ваш случай, Евдокия Ивановна, меня заинтересовал. – Он неприятно усмехнулся. – Потому что он уникален. Вот ваш аттестат. В нем «тройка» по рисованию. Вы хотя бы сообщайте, куда пришли, деревня Лопоток? Что за наглость? К нам со всей страны люди едут! И какие люди! Выпускники художественных школ, участники выставок! Вы у нас одна такая, с «тройкой» по рисованию, Евдокия Ивановна!

Она молчала. Сидела, опустив голову. Уже на два тона ниже председатель приемной комиссии сказал:

– Вот ваш аттестат. А вот ваши рисунки. Скажу сразу: «тройки» они не заслуживают. Не радуйтесь. В общеобразовательной школе не заслуживают. А у нас действительно не заслужи-

вают выше «тройки». Увы! Художника из вас не получится. Это я вам говорю как профессионал. Так что...

– Да я и не хочу! Не хочу художником! – Она замахала руками.

– Не понял? – оторопел профессор. – Зачем же вы тогда...

Она раскрыла хозяйственную сумку, и на столе появились глиняные лошади, собаки, люди...

– Ну-ка, ну-ка... – Он полез за очками.

Пока художник рассматривал ее работы, Дуся Грошикова взахлеб рассказывала. О своем детстве, об учительнице рисования, о том, как сопротивлялись родители ее поездке в Москву, и даже о корове, которую боялась до слез.

Минут через десять он снял очки и сказал:

– Случай интересный. Это хорошо, что вы ко мне пришли. – Она не стала напоминать, что он сам ее вызвал, чтобы отчитать. – Но художником вам не быть. Это исключено. И вообще: вакантных мест нет. Талантов у нас хоть отбавляй! Впрочем... На гипс пойдете?

– Да! Конечно! Да, да, да!!!

Это было больше двадцати лет назад. И тогда ей казалось: свершилось! Вот он, счастливый лотерейный билет! Какая же она была наивная дурочка! Маргарита Мун невольно улыбнулась. Вспомнила, как мыла полы в том же художественном училище, потом работала гардеробщицей в театре. Да кем только ни работала! Одно время даже подумывала уехать обратно в деревню. И – на ферму, к коровам. Мол, от судьбы не уйдешь. Двадцать лет.

Однако замечталась! Самолет пошел на посадку. Клара тут же открыла глаза.

– Уже? – сладко потянулась она.

«Вот человек! – подумала Маргарита. – Не сеет, не пашет, никакой работой себя не утруждает, даже по дому, а живет припеваючи! Только и заботы, что о нарядах и развлечениях! Уметь надо!» Подруге она не завидовала, потому что знала: жить так, как Клара, не смогла бы. Не сказать, что Маргарита Мун – женщина блеклая, непривлекательная. Не красавица, но ведь и Клару красавицей не назовешь! Однако у подруги есть шарм. Она рождена экзотическим цветком, единственное предназначение которого – украшать жизнь. А Маргарита Мун – рабочая лошадь. Так и осталась в душе крестьянкой, хотя ее фотографии то и дело появляются в гламурных журналах. Но подход ко всему – крестьянский. И к работе тоже. Встать ни свет ни заря и, пока солнце высоко, пахать, пахать...

– Дуся! На выход! Приключения начинаются!

Она невольно вздрогнула. Приключения! Вот уже пятнадцать лет, как Маргарита Мун на мужчин не смотрит. С тех пор, как в паспорте появился штамп о регистрации брака. Рядом – Альберт Дерев. Менеджер, бухгалтер, персональный психолог-утешитель, натурщик. Любownik, наконец. Это тоже по-крестьянски. Мать воспитала в строгости: сошлась с мужиком – живи. Плохой, хороший – терпи. Бог терпел и нам велел. А раз повенчаны – тем более. Она и терпела. И зачем это ему надо было? Портить отношения? Ведь все было хорошо! Теперь ей и в самом деле так казалось. Все у них с Аликом было хорошо. Помирились бы. И непременно помирятся. Сейчас главное – пережить эти две недели. И как-то избавиться от мальчика-пажа, чьи услуги (увы!) оплачены.

Отель, куда они приехали, был оазисом в пустыне. Вокруг – никого. И ничего. До пирамид – вечность. Именно вечность, а не пять часов пути. Здесь нет времени. Лишь пространство. Бесконечность. Когда взгляд все время упирается в песок, ощущение такое, будто жизнь остановилась. И конца этим пескам не будет. Остается лишь сесть, расслабиться и погрузиться в размышления. До тех пор, пока не иссохнешь, не рассыплешься в песок и не растворись в вечности. Обрести покой и гармонию – вот чего жаждешь. Все – суeta. И все заканчивается пустыней.

Отель покидать не хотелось. Пирамиды она уже видела. Там слишком много туристов. Все отполировано их взглядами, захватано их руками. Самих пирамид давно уже нет. Есть миф о пирамидах, поддерживающий доходы от туристического бизнеса. Который весь держится на мифах. Поток желающих обмануться не иссякает. Воображение дорисовывает то, без чего миф развеется: картины прошлого. Пирамиды... Им тысячи лет... Это сделали давным-давно ушедшие люди... А теперь пришли другие люди – чтобы отвлечься, сменить обстановку, раз есть такая возможность. Потому, что все надоело. А это еще не надоело, а надоест – так есть Север. Где кажется, что все заканчивается ледяной пустыней, бесконечными снегами. Жара сменяет холод. Песок покрывается льдом. Кто знает, какие пирамиды скрыты под снежными шапками? Она не хотела ни в ледяную пустыню, ни в ту, что окружала отель.

Здесь же было комфортно. Пять звезд, все включено, все развлечения тут же. Никуда не надо ехать. Публика избранная, отель закрытый. Отдыхай, наслаждайся жизнью, расслабляйся. Море, солнце, песок. В Москве еще прохладно, а здесь – жара! Май считается лучшим временем года для отдыха в Египте, сюда сейчас паломничество. Летом африканское солнце жжет нестерпимо, а в середине мая его еще можно терпеть.

– Смотри не обгори, – предупредила Клара.

Сама она весь апрель посещала солярий и теперь была покрыта ровным золотистым заггаром, который придавал ей особый шарм.

Своего пажа Маргарита Мун увидела в первый же день. И сразу почувствовала неловкость. На вид ему было лет двадцать – совсем еще мальчик. Высокого роста, брюнет, с неожиданно светлыми глазами. То ли серыми, то ли голубыми – смотреть в них она боялась. Он уже успел загореть, был смугл, отчего казался худеньким, хотя мышцы рук и накачанный пресс говорили о том, что молодой человек проводит немало времени в тренажерном зале. Он легко поднял ее чемоданы и проговорил:

– Давайте я отнесу ваши вещи в номер.

У него был приятный низкий голос. Клара уже нагрузила чемоданами своего спутника, симпатичного белозубого паренька из местных, который почти не говорил по-русски. Он только улыбался и беспрекословно слушался «хозяйку».

– Сейчас придет другой лифт, – сказала та и кивнула юному спутнику на чемоданы: занеси. – Наши номера рядом. Но прошу меня не беспокоить.

– Ты что, хочешь оставить меня с ним наедине?! – Маргарита вцепилась в подругу. – Чтобы он зашел в мой номер?!

– Не валяй дурака! – разозлилась Клара. – Встретимся в ресторане за обедом. Обед через час.

– И что мне с ним делать целый час?! Двери закрылись. Вопрос остался без ответа.

– Ваш номер на третьем этаже, – спокойно сказал ее спутник.

– Что?

Она обернулась; взгляд уперся в его подбородок.

– Прошу.

Двери лифта открылись. Она вошла, чувствуя, что ситуация осложняется. Как бы ему объяснить, что произошла ошибка?

Из лифта он вышел первым. Уверенно двинулся по коридору с багажом. Она с надеждой огляделась – но Клары уже не было. Дверь соседнего номера была закрыта. Она услышала оттуда звонкий смех подруги и невольно покраснела. До обеда не беспокоить. Потом до нее дошло: они с молодым человеком даже не познакомились!

– Как тебя зовут? – спросила она, когда парень поставил чемоданы.

– Сеси.

– Как?!!

– Сергей Симонов. Сокращенно Сеси.

«Дере. Сокращенно от Альберта Валериановича. Мне везет!»

– Но почему не Сережа?

– Имя «Сережа» иностранки выговаривают с трудом. И получается у них смешно. «Серьожа». А «Серж» мне не нравится, – пояснил он.

– А Сеси нравится?

Он пожал плечами.

– Как вам номер?

– А почему ты не спросишь мое имя?

Он улыбнулся.

– Я видел ваши фотографии в газетах. Вы такая же, как в жизни. Маргарита Мун. Хотите, я буду звать вас Марго?

– Это псевдоним.

– И как вас зовут на самом деле?

– Евдокия.

– Ого! Где ж вы родились?

– А ты?

– Черт-те где! – Он рассмеялся. – Не поверите! Это такая дыра!

– Аналогично. Так что? Будешь звать меня Евдокией Ивановной?

– А покороче нельзя?

Она вдруг представила, что этот паренек будет называть ее Дусей. Как Дере. Или Дуней, как Клара. Нет, это невозможно!

– Послушай... Сеси, – с трудом выговорила она. – Нам надо друг к другу привыкнуть.

– Понимаю, – кивнул он. – Не так все просто. Ведь вы – знаменитость! Это здорово, да?

– Я сначала много работала и только потом стала знаменитостью, – строго сказала она и поймала на себе его насмешливый взгляд.

– Хотите, я буду звать вас Евой?

Она растерялась. Возникла пауза. Сеси понял ее по-своему.

– Ну вот и договорились! Чем бы ты хотела заняться до обеда, Ева?

Его взгляд был достаточно выразителен. Она вспыхнула.

– Разобрать багаж и... осмотреть окрестности!

– Понятно, – разочарованно сказал Сеси. – А привыкать – это долго? Сколько этот процесс занимает у звезд?

– А не у звезд? Что говорит твой опыт?

Он взглядом указал на стену, за которой был номер Клары. Она поняла: ни минуты не занимает. Взял чемоданы – донес – до обеда не беспокоить.

– У тебя будет не много работы, Сеси, – усмехнулась она.

– Это я уже понял. Ну что? Ты разбираешь багаж, я жду тебя внизу, чтобы показать пляж, бассейн и ресторан?

– Да.

Дверь за ним наконец закрылась. Маргарита рухнула на огромную двуспальную кровать. Надо поговорить с Klarой! Пусть объяснит ему. Она с ненавистью посмотрела на стенку, за которой находился номер подруги. Как у той все просто! А что теперь делать ей?

Багаж она разбирала долго, все время оттягивая момент, когда придется спуститься вниз, к Сеси. Потом столь же долго раздумывала, что бы надеть. И вдруг поймала себя на мысли: раз думает об этом, значит, хочет ему понравиться! Еще чего!

Натянула светлые брюки, которые ее полнили, и светло-голубой топ, подчеркивающий пышную грудь. Надела бейсболку и спустилась вниз.

– Чудесно выглядишь! – улыбнулся Сеси. – Ты – самая красивая женщина в этом отеле!

«Ему за это и платят», – подумала она. Но все равно было приятно. Во время прогулки Сеси был галантен и осыпал ее комплиментами. За всю жизнь Дере не сказал ей и половины того, что она слышала за сорок минут променада под руку с красивым юношей.

– Мы опоздаем на обед, – напонила она.

– Туда надо идти либо строго ко времени, либо через полчаса, когда народ схлынет. Пунктуальные иностранцы идут на кормежку по звонку. Толпятся с тарелками у шведского стола, как будто еды может не хватить! Через полчаса принесут наполненные лотки. Не торопись.

– А Клара?

– Она придет к самому концу. Если придет. – Он усмехнулся.

– Она сюда часто приезжает?

– Я ее видел пару раз, – уклончиво ответил Сеси.

– А... к тебе?

– Нет. Не довелось.

– Ну, хоть что-то...

Она невольно вздохнула. Подруга не будет хотя бы делиться подробностями и требовать сравнений.

– Ей нравятся местные. Египтяне.

– И они охотно идут на эту работу?

– Спрашиваешь! Сюда все хотят! И наши тоже! Знаешь, какой кастинг надо пройти, чтобы сюда устроиться? Это лучшая работа в мире!

– Почему?

– Спрашиваешь! Море, солнце, пляж, шикарный отель, бесплатная еда, выпивка, настоящий праздник жизни! – восторженно сказал Сеси. – Дискотеки, бары, дайвинг! Да еще и бесплатный секс!

– Ты откровенен.

– Мне нравится, когда все просто. Не надо голову ломать: что ей подарить, куда повести, как уговорить. Надо ей это или не надо. Торги какие-то. А здесь... Понятно, что надо. Ты заплатила деньги, я – твоя собственность на две недели. Правда, здорово?

Она наконец решилась посмотреть ему в глаза. Они были голубые. Светло-голубые. Небо над их головами было темнее. Маргарите Мун стало не по себе. Казалось, с левой стороны, там, где сердце, зазвенел серебряный колокольчик. Невольно она положила руку на грудь. Серебряный звон не смолкал. Быть рабовладелицей оказалось приятно. «Собственность» улыбалась и, кажется, была счастлива.

– Но ведь я старше тебя на... Кстати, сколько тебе лет?

– Двадцать три. Почти двадцать четыре.

– А мне сорок.

– Здорово!

– Сеси, ты что – не расслышал? Мне сорок!

– Это смертельно? Ты говоришь «мне сорок» так, будто тяжело больна!

– Нет, но... Я старше тебя на семнадцать лет! Почти в два раза! Тебе, должно быть, интереснее с ровесницами.

Он рассмеялся.

– С ума сошла! Да они же дуры! Сплошняком!

– Ты тоже не отличаешься особым интеллектом, – не удержалась она.

– Это потому что ты старше. На твоём фоне – да. Ты ведь звезда! – сказал он с восхищением. – Знаменитость! Еще бы мне было с тобой неинтересно! Ты знаешь, как стать звездой! Ты мне, конечно, расскажешь?

– А чем ты вообще занимаешься?

– Я студент, – с гордостью сказал он. – Остался последний курс. Менеджмент и маркетинг. Платное отделение. Сама понимаешь, надо зарабатывать деньги. Квартиру снимаю, за учебу плачу. Эта работа – лучшая в мире! – повторил он. И похвастался: – Мне многие завидуют.

– А как же армия? Ты сказал: двадцать три.

– Пока у меня отсрочка. Я в академке. С сентября приступаю к занятиям. Через год получу диплом, а там видно будет.

– Но ведь придется? Все равно в армию.

– Мне сейчас идти в военкомат? – Он откровенно смеялся.

– Нет, но...

– Не думал я, что ты такая зануда! Извини. Я хотел сказать: правильная. Твоя Лимбо – супер! Я думал, ты тоже такая.

– Негритянка?

– Почему негритянка? Я имел в виду...

– Я хочу есть. – Она решительно взяла его под руку. – Идем обедать.

– Мне нравится, когда у женщины хороший аппетит, – тут же отреагировал Сеси. – Зачем морить себя диетами? Пышные бедра – это шикарно!

«И все-таки он прелесть, – подумала Маргарита Мун, которой Дерек постоянно твердил, что она толстая. – Ну разве девяносто восемь – это много? Всего-навсего сорок шестой размер! Почему моему мужу так нравятся воблы сушеные?»

Вот Клару можно было бы назвать воблой. И именно сушеной. У нее были по-мальчишески узкие бедра и крохотная грудь. Маргарита Мун мстительно думала: «Зато у нее нет талии». Клара была плоской, как доска, что спереди, что сзади. Маргарита Мун не была завистливой, но... Когда тебе постоянно напоминают о том, что у тебя пышные бедра, поневоле начнешь злиться на тех, к кому природа была снисходительна. Лучшая подруга ведь не сидела на диетах, но не поправлялась.

Клара все-таки пришла к обеду. И она, и ее спутник светились от счастья. Маргарита присела напротив и невольно отвела взгляд. Клара улыбалась чему-то невидимому и неосознанному, ее карие глаза были затуманены. Их спутники ушли к шведскому столу за закусками, и Клара тут же накинулась на подругу:

– Ну как?

– Представляешь, его зовут Сеси!

– Если бы ты знала, как моего зовут! Постой... Нет, я не смогу это выговорить! Да и зачем?

– Ты должна ему сказать, что произошла ошибка. Я имею в виду Сеси.

– Какая ошибка? Почему ошибка? Постой... Ты хочешь сказать, что эти полтора часа...

– Мы осматривали местные достопримечательности. И Сеси рассказывал о себе.

Клара расхохоталась.

– Ты – нечто! Зачем тебе знать подробности его биографии?

– Ну как же...

– Мне не надо было тебя слушать, – сердито сказала подруга. – И у тебя был бы спутник из местных. Который по-русски знает от силы три слова... Зато самых нужных.

– Так ты с ним поговоришь?

– Нет! Скажи ему это сама.

– Клара! Мне неловко!

– Я ведь уже объяснила: тебе не обязательно с ним спать.

– Какая ты циничная!

– А ты... Ханжа! И зануда! Тихо! Мальчики возвращаются!

Обедала она без аппетита. Ну хорошо. Два часа как-то продержалась. А дальше?

...Сеси не отходил от нее ни на шаг. Вечером компания пошла в бар. Клара веселилась вовсю. Пила крепкие коктейли, танцевала, выйдя в центр круга. Извивалась, выставя себя напоказ, маняще улыбалась. На ней были модные джинсы с заниженной талией, которые сидели на узких бедрах как влитые. В Кларином пупке красовалось колечко с камушком. Камушек призывно сверкал, когда на него падал луч света. Сеси улыбался.

– Тебе нравится моя подруга? – спросила она.

– Мне нравишься ты!

У дверей своего номера она твердо сказала:

– Спокойной ночи.

На дворе и в самом деле была глубокая ночь. Он начал томно вздыхать.

– А хочешь, Ева, мы закажем в номер шампанское? Разве я не заслужил?

– Шампанского?

– Тебя. Разве я плохо себя вел?

– Нет. Но сейчас ведешь себя плохо. Навязываешься. Иди спать.

И она захлопнула дверь перед его носом. Сеси ушел. Маргарита легла. Но ей не спалось. В соседнем номере, за стенкой, слышалась возня. Невольно она напрягала слух. Потом разозлилась на себя и натянула на голову одеяло. Стало душно, хотя в номере работал кондиционер; она вспотела. Там, за стенкой, звонко смеялась Клара, и у нее внутри тоже зазвенел серебряный колокольчик.

– Да что ж это такое!

Маргарита вскочила и кинулась в ванную комнату – принимать душ. Ей было жарко. Надо было смыть с себя пот. Посмотрела на часы: половина третьего ночи.

Утром она с трудом разлепила веки. Звонил телефон. Ее вызывали по внутренней связи.

– Завтракать! – Сеси был весел – несмотря на то, что вчера ночью его не пустили в номер госпожи. Похоже, он не сомневался: это лишь вопрос времени.

– Да что ж это такое!

Она запуталась в брюках. Потом метнулась в ванную, к зеркалу, оттуда к платяному шкафу. Схватила за тональный крем, уронила губную помаду. Хотелось выглядеть бодрой, свежей. Ослепительной.

Свежей и бодрой выглядела Клара. Золотой загар, карие глаза, похожие на огромные топазы, белозубая улыбка. Мальчишка-египтянин не сводил с нее восхищенных глаз. «А ведь мы ровесницы! – с тоской подумала Маргарита Мун. – Это я, а не она знаменитость! Преуспевающая, состоявшаяся женщина! Я, а не она!» Но на деле именно Клара была королевой. Маргарита Мун уныло смотрела в свою тарелку. Аппетита не было.

– Ну что, идем на пляж? – предложил Сеси.

Она поднялась в номер – надеть купальник. Оказалось, что остальные подготовились. Зазвонил мобильный телефон.

– Где ты ходишь? – сердито спросил Дерек. – Я уже начал волноваться!

– Почему вчера не позвонил?

– Извини, я был занят. И потом: ты же не одна. С подружкой, – презрительно сказал он. – Она уже вовсю б...ет?

Нецензурные слова Дерек употреблял крайне редко. Но метко. Клара занималась именно тем, чем он и предполагал. Но Маргарита тут же принялась выгораживать подружку:

– Мы просто отдыхаем. Море, солнце. Пляж.

– Рассказывай! – хмыкнул Дерек. Она вздрогнула. Возникло ощущение, что он в соседней комнате – настолько хорошая была связь. – Но я надеюсь, что ты...

– Алик! Разумеется, я сплю одна!

– А эта... с кем? Уже подцепила себе какого-нибудь...

– Алик!

- Ладно. Ты долетела, по дороге ничего не случилось, погода хорошая... Хорошая?
- Да. Все в порядке.
- Ну вот и славно! Желаю тебе приятного отдыха, дорогая.
- Целую.
- Она надела купальник и спустилась вниз.
- Почему так долго? – сердито спросила Клара. – Мы уже заждались!
- Дерев звонил. Тебе привет.
- И ему передавай, – усмехнулась Клара. – Пламенный!

... А через три дня на закате она сидела на пляже, рядом был Сеси, подруга со своим пажом уже ушла в отель. Она смотрела на море, Сеси смотрел на нее. В душе звенел серебряный колокольчик, потом к нему присоединился еще один, и ещё... Сеси положил голову ей на колени, она машинально начала перебирать его густые темные волосы. Звон усиливался, ей становилось так сладко. Она была счастлива. Счастлива и свободна. Ей уже казалось, что Сеси был всегда. Так же как море. Как песок на берегу. Как Солнце и звезды во Вселенной. Она тихонько вздохнула.

- Ева, о чем ты думаешь?
- Ни о чем. Молчи.

Говорить не хотелось. Слова мешали. Мешали слушать море и серебряные колокольчики, к которым она уже привыкала. Она посмотрела на Сеси. Он был так красив! И так послушен. Она велела – он молчит. Велит – осыплет ее комплиментами. Владеть так упоительно. Землей, людьми, деньгами и талантом. Талантом! У нее есть талант! Она непременно должна вылепить этого мальчика! Была Лимбо – теперь будет Сеси. Она так и назовет свою новую скульптуру: «Сеси». И пусть все думают: почему? Весь мир думает. И смотрит. Любуется. Пусть делают с него бюстики, пресс-папье, настольные лампы...

- Ты хочешь быть лампой?
- Лампой? Почему лампой? – Он поднял голову, посмотрел на нее удивленно. – Ева, чему ты улыбаешься?
- Пустяки. Своим мыслям.
- Я тоже хочу улыбаться. – Сеси надул губы.
- Улыбайся.
- Но мои мысли невеселые, – пожаловался он. – Ты меня не любишь.
- Любовь не в правилах твоей игры.
- Я имею в виду...
- Тс-с-с... Молчи... – И она положила указательный палец на его по-детски пухлые губы. – Молчи, Сережа... Молчи...

Все ушло прочь, осталось одно только ощущение огромного счастья, куда слились море, солнце и небо. Голубые глаза Сеси...

Она по-прежнему не позволяла ему оставаться на ночь. И сегодня сказала «спокойной ночи» и закрыла перед ним дверь. Несмотря на то, что собиралась лепить с него нового идола. Такова была Маргарита Мун. Сначала она должна полюбить его в глине. В мраморе. Или как Лимбо: в металле. И не думая о том, что может владеть самой натурой, она лежала, закрыв глаза, и лепила. Ее пальцы шевелились, ей уже не терпелось вернуться домой и начать работу.

- На шестой день Клара сказал:
- Дуня, мне надо с тобой серьезно поговорить.
- А что случилось? – Она счастливо улыбалась.
- Пойдем в бар.
- Лучше на пляж. Я не пью в такую жару.
- Хорошо, пойдем на пляж.

- А где твой... – Она так и не узнала имя паренька.
- Мальчики уехали в магазин. Я дала им денег. Пусть купят себе новую одежду.
- И ты не скучаешь?
- Это ненадолго. Идем же! Они сели в шезлонги; Клара придвинулась вплотную. Сказала с укором:
 - Дуня, ты жестока.
 - Я? Жестока?
 - Посмотри на Сеси! Он страдает.
 - Так это он тебя попросил...
 - Да, да, да!
 - Клара, это не твое дело.
 - Разумеется! Но хотя бы объясни.
 - Здесь нечего объяснять, – беспечно сказала она. – Я замужем и на семнадцать лет старше.
 - А что тебя смущает больше, первое или второе? Только честно.
- Она задумалась, потом сказала:
 - Скорее второе. Разница в возрасте. Я не могу ему нравиться.
 - Глупости! – сердито сказала Клара. – Скорее уж своим ровесникам ты нравиться не можешь. Им нравятся молоденькие девочки с ногами от ушей. Их гладкая кожа, плоские животы и надутые губки. А вот юношам нравятся зрелые женщины. Их опыт, их шарм.
 - И их деньги.
 - Да! И их деньги! Ты же их заработала, не украла! Посмотри на себя! Тебя окружает тройной ореол! Богатства, успеха и таланта! Это кого угодно сведет с ума! Да, да, да! Ты привлекательная женщина, как бы ты это ни прятала! Но на пляже видно все. У тебя хорошая фигура.
 - Толстая.
 - Я бы придушила этого Ре-ля! У тебя прекрасная женственная фигура. Тонкая талия, пышная грудь. Я тебе завидую.
 - Ты? Мне? Завидуешь?!
 - Да! И ты нравишься этому мальчику. Он от тебя в восторге. Поиграла и хватит.
 - Что ему нужно?
 - О Господи! А ты не понимаешь! Что им нужно в этом возрасте? Секс, конечно!
 - Я его не держу. – Она пожала плечами. – Вокруг полно женщин.
 - Согласно условиям контракта, он не может тебе изменять.
 - Я никому не скажу. Его работодатели получают замечательный отзыв. Это устраивает?
 - Значит, ты понежишься на солнышке, разобьешь мальчику сердце и вернешься к Деру?
 - Сердце? Какое сердце? Клара, не смей меня! У него нет сердца.
 - Представь себе, есть. Только ты не замечаешь того, что для всех очевидно. Он влюблен.
 - Я уеду – он полюбит другую.
 - Тебе-то что?
 - У меня все серьезно. И любовь для меня – серьезная вещь.
 - Но ведь ты его хочешь? Честно признайся.
 - Это не имеет никакого значения. Я хочу купаться!
- Она поднялась с шезлонга. Побежала, к морю. Скорее, скорее! Окунуться в воду и долго плыть. Маргарита Мун плавала брассом – мощно и ровно, по-мужски, и всегда заплывала далеко за буйки. Кларе за ней было не угнаться. Ни Кларе, ни даже Сеси. У него неплохой кроль, но выносливости не хватает. Маргарита может целый час болтаться в воде. Она плыла, она наслаждалась. И никто не догонит...

Когда она вышла из воды, Сеси сидел в шезлонге рядом с Кларой. Они о чем-то тихо разговаривали. «А зачем это Кларе?» – подумала вдруг Маргарита. И тут же вспомнила: Клара и Дерё. Подруга хочет отомстить ее мужу. Потому и старается... Почему она связала сброшенную записку с Дерё? Ведь в тот день состоялась и встреча с Кларой. Но зачем это Кларе? А зачем ей надо, чтобы Маргарита спала с Сеси?

Мысль пришла и ушла. Было слишком жарко, чтобы думать. А Сеси был слишком красив. Было приятно смотреть на него и воображать, как хороша будет новая скульптура, как все будут ею восхищаться. Больше ей ничего от него надо.

– Ну как прогулка? – весело спросила она Сеси. – Купили себе что собирались?

Сеси и Клара переглянулись. Они выглядели как заговорщики. Но Маргарита не придавала этому значения.

Вечер прошел как обычно. Сначала бар, потом ночная дискотека на пляже. Маргарита ушла раньше, чем подруга. Сеси проводил ее до номера, где она сказала:

– Спокойной ночи, – собираясь, как обычно, закрыть перед ним дверь.

Но он оттолкнул ее плечом и вошел. Маргарита Мун растерялась и отступила. Сеси закрыл дверь и повернул в замке ключ.

– Это что такое?

Он, не отвечая, потянулся к ее губам. Сеси и раньше пытался ее поцеловать, но она уклонялась. Сейчас отступать было некуда. В номере они одни, дверь заперта. Его объятия были крепкими, а горячий, твердый язык настойчиво проникал в ее рот. Голова вдруг закружилась. Она почувствовала, что теряет равновесие, и повисла на нем. Сеси легко подхватил ее на руки и понес к кровати.

– Что...

Она попыталась возмутиться – но он перестал повиноваться. Стащил с нее топ, расстегнул бюстгалтер. Жадно набросился на пышную грудь. Маргарите стало страшно. Это была подлинная страсть, сдержать которую трудно. Она слишком долго его томила. До сих пор ни один мужчина не обращался с ней так бесцеремонно. Она растерялась. Дерё испрашивал разрешения на близость еще за ужином, потом долго настраивался. И обращался с ней как с дорогой вещью, которая еще долго должна находиться в эксплуатации, а потому ее надо беречь. Всегда спрашивал: «Тебе не больно?» Или говорил: «Если тебе неприятно, я перестану». А времена, когда они с Кларой были молоды и свободны, давно забылись. Все, что происходило сейчас, в номере отеля, было так ново, что она и не знала, как себя вести. Выставить его за дверь? Оттолкнуть? Да, первым делом надо его оттолкнуть. Надо сопротивляться. Но он оказался таким сильным! И вышел из повиновения. А потом новых ощущений стало так много, что она захлебнулась ими и окончательно потеряла разум. Казалось, закончилась многолетняя спячка. Отлаженный механизм, настроенный только на работу и заряженный на успех, дал сбой.

Давно уже с ней такого не было. Давно...

Очнувшись, она первым делом натянула на себя простыню. Сеси видел ее без одежды! Толстую сорокалетнюю женщину, с лица которой ко всему прочему осыпалась косметика. У него-то нет физических недостатков. Еще бы! Ему двадцать лет! Она с нежностью посмотрела на голый торс с рельефными мышцами и подумала, что вкус этой гладкой смуглой кожи восхитителен. Потом спохватилась.

– Я в ванную.

Стянула с кровати простыню, закуталась в нее и побежала принимать душ. Сеси мечтательно улыбался. А когда она вернулась, он спал. Это было замечательно: разбор полетов переносился на утро. Она легла рядом. Сна опять не было. За стенкой, в соседнем номере, было тихо. Ей вдруг захотелось курить, хотя от этой привычки она отучилась лет десять назад. Альберт Дерё не выносил сигаретного дыма. Но ей хотелось того, с чем было давно покончено. И

казалось, навсегда. Сигарет, вина, шумных вечеринок, а главное – свободы. И во всем виноват этот мальчик!

Завтрак они проспали. Звонил телефон, но Сеси потянулся и, сняв трубку, положил ее рядом. Больше их не беспокоили. А потом они проснулись и занялись любовью. Не спеша и теперь уже ничего не пропуская.

За пятнадцать минут до обеда в номер принялись настойчиво стучать. Она не выдержала, прыгнула с кровати и, накинув легкий халатик, побежала к двери. На пороге стояла Клара и делала вид, что сердита.

– Да что с тобой?! Спишь как сурок! Добудиться не могу! И Сеси исчез!

– Он здесь.

– Ах, вот оно что!

И тут Клара извлекла из-за спины бутылку шампанского:

– Поздравляю!

«Это заговор», – догадалась Маргарита. Но сил возмущаться не было. Все они остались в постели, где сейчас, зевая, нежился красавчик Сеси.

– Шампанское? – обрадовался он. – Супер!

Они разлили вино в три бокала. Пена пролилась на смятые простыни. Маргарита Мун невольно вспомнила времена студенческой юности, когда они с Кларой были так же близки. Только тогда завернутый в простыню парень принадлежал подруге.

«Дежавю, – подумала Маргарита Мун. – Но зачем это Кларе?»

Оставшаяся неделя отдыха пролетела незаметно. Теперь они с Сеси почти не выходили из номера. Маргарита уже поняла: случилось непоправимое. Она увлеклась Сеси! Влюбилась в двадцатилетнего мальчика! И уже не может оставить все как есть. Он нужен ей как воздух.

– Ты должен вернуться со мной в Москву, – сказала она за день до отлета.

– Сезон только начался. У меня контракт.

– Твой контракт был со мной. И он закончился. Тебе следует бросить эту работу.

– И что делать?

Глаза Сеси потемнели. Разговор был серьезным.

– Ты будешь жить в моем доме.

– В качестве кого?

– Моего друга.

– Кажется, ты замужем?

– Я разведусь, – пообещала она.

– И выйдешь за меня?

– Это преждевременный разговор. Ты даже не представляешь, сколько меня связывает с мужем! Но жить с двумя мужчинами я не могу.

– А я не могу жить за твой счет!

– Жил же ты раньше за счет женщин? – Она удивилась.

– Это моя работа. А тебя я люблю.

– Не бросайся словами, – поморщилась она. – Что ты знаешь о любви?

– Уж побольше, чем ты! – фыркнул Сеси.

Сердиться она не могла. Воображает себя сердцеedom, мальчишка! Если бы на ее месте была Клара, все закончилось бы здесь же, в отеле. Но ему чертовски повезло. Умом Маргарита понимала, что делает глупость. Он того не стоит. Если рассуждать логически, то все это не имеет смысла. Будущего у них с Сеси нет. Но остановиться уже не могла. Останавливаться было не в ее правилах.

– Хорошо, – спокойно сказала она. – Я подумаю, чем бы ты мог заняться. И подыщу тебе работу. Но сначала ты должен поработать у меня.

– Кем?

- Натурщиком. Я хочу вылепить с тебя скульптуру. Ты ведь видел Лимбо?
- Еще бы!
- Мне нужна модель. Такая работа тебя устраивает?
- Но я ведь не могу взять с тебя денег, – пожаловался Сеси.
- Я буду покупать тебе все необходимое. И давать деньги на карманные расходы. Как работодатель. Такой вариант тебя устроит?
- Что ж... Но как же билет? Я не могу лететь с тобой одним рейсом! Мест нет!
- Мы сейчас позвоним в аэропорт. Ты вылетишь в Москву, как только сможешь. Мне все равно надо уладить дела с... Подать на развод. Я буду встречать тебя в аэропорту.
- Здорово! Где же мы будем жить? С твоим мужем?
- В загородном доме. А он – в московской квартире. Потом что-нибудь придумаем.
- Что тут можно придумать? Разводиться надо!
- Это само собой.

Кларе она пока ничего не сказала. Та наконец успокоилась. И даже охладела к своему пажу. Клара готовилась к расставанию. В день отлета она сказала Маргарите:

- Не бойся. Никто не узнает. Я умею хранить тайны.
 - Тайны?
 - О том, чем ты занималась здесь, на курорте.
 - А чем я таким занималась?
 - Ну как же? Узнай пресса о твоём юном любовнике... – И Клара сладко зажмурилась.
- Узнай пресса! Да скоро и так все будут знать. И пресса, и весь столичный бомонд. Маргарита Мун собирается представить им Сеси. Но Кларе она ничего не сказала. Ей предстоял серьёзный разговор с Дерё.

Муж встречал её в аэропорту. Поневоле ему пришлось поздороваться и с Кларой.

- Привет, Си-бемоль! – весело сказала та.
- Привет. – Дерё поморщился и зачем-то добавил: – Клара у Карла украла кораллы.
- Ха-ха! – рассмеялась подруга.
- Придумал бы что-нибудь новенькое, – мрачно сказала Маргарита и подумала, что Дерё опять угадал. Украла. Не кораллы, а жену. Не своими руками, но...
- Тебя подвезти? – кисло спросил Дерё у её лучшей подруги.
- Спасибо, я возьму такси. Не хочу мешать вашей нежной встрече, – с вызовом ответила Клара.

Маргарита была не против того, чтобы подруга посеяла зерна сомнения в душе Альберта Дерё. Так ей будет проще начать неприятный разговор. А дела, даже и неприятные, она не любила откладывать на потом.

Ноги

Откладывать неприятные дела она не любила. Это надо сделать сегодня или никогда. Поскольку «никогда» отпадает, то сегодня. Сеси прилетает через три дня. Надо, чтобы к этому времени все точки над *i* были расставлены. Ехали долго: пробки. В машине она отделивалась общими фразами, но дома, как только Дерё полез с поцелуями, сказала:

– Алик, сядь. Это серьезно.

– Что такое? Разве ты не соскучилась? Две недели не виделись! У меня для тебя приятные новости.

– У меня тоже. Приятные. Мы разводимся.

Сказала – как в ледяной омут нырнула. Но сказала. Дерё тоже стоял с таким видом, словно льющаяся из душа вода приятной комнатной температуры вдруг стала ледяной. Он сразу съежился и посерел.

– Что-о?! Как это разводимся?!!

– Все просто: я полюбила другого. А ты от меня устал.

– Дуся, ты спятила! Кого это другого? Где? Когда?

– На курорте. Я встретила его в отеле.

– Какая чушь! Кого можно встретить в отеле?

– Тем не менее. Мы разводимся, Алик.

– Бред! Я добился для тебя выгодного контракта! Пока ты развлекалась на курорте, я искал ходы, ужинал в ресторанах с нужными людьми, давал взятки. И вот вам, пожалуйста! Для кого я старался?

– Для себя. Ты всегда стараешься для себя. Если ты так переживаешь за наше общее дело, пожалуйста. Мы договоримся. Как деловые люди. Не как мужчина и женщина. Не как муж и жена. Мы можем сохранить партнерские отношения.

– Какие-какие?

– Партнерские.

– Скажи хотя бы, кто он.

– Не имеет значения.

– Как это не имеет? – Дерё забежал по комнате. – Как это не имеет? Я хочу знать, на кого ты меня променяла! Что это за сокровище? Сколько у него денег?

– А при чем тут деньги?

– А при том! Свой я собираюсь оставить себе!

– Твой?

– Я двадцать лет на тебя работал!

– Пятнадцать. И даже меньше.

– Без разницы! Здесь все мое!

– Ошибаешься.

– Да я в суд подам!

– Прекрасно! Теперь я вижу, что все правильно. Тебе деньги нужны, не я. Мы договоримся. Через суд или иначе. Ты – разумный человек. Интеллигентный. Давай разойдемся как интеллигентные люди. Без скандала.

– Значит, ты мне изменила?

Дерё остановился наконец и посмотрел на нее в упор. Взгляд она выдержала и спокойно сказала:

– Да.

– Дрянь!

– Успокойся. Я ведь знаю: у тебя давно любовница.

- Бред!
- Только не ври.
- Я тебе не изменял!
- Но у тебя другая женщина.
- Я тебе не изменял!
- В мыслях да.
- Я хранил тебе верность! Мало ли... Мало ли, о чем я думал! Физически я тебе не изменил!
- Можешь больше не утруждаться. Дай себе волю, – усмехнулась она.
- А! Я понимаю, откуда ветер дует! Это все Клара! Она! Убью ее!
- Успокойся.
- Гадина! Клара Гадина! Не Гатина, а Гадина!
- Ты стал остроумным. Поздравляю. Слава богу, я не услышу больше про кораллы.
- Убью ее!
- Она ни при чем. Это я тебе изменила.
- Ты пожалеешь! Такие мужчины, как я, на дороге не валяются!
- Вот и отлично. Значит, я могу быть за тебя спокойна?
- Я ухожу, – торжественно сказал Деревяшка.
- Ты можешь жить здесь. А мы с... С моим другом поселимся на даче. К осени будет видно. Или у твоей любовницы есть квартира?
- Сколько можно повторять? У меня нет любовницы!
- Но квартира у нее есть?
- Альберт Деревяшка рухнул на диван и застонал.
- У меня такое ощущение, что все это сон... Страшный сон... Мою жену словно подменили. Уехала нормальная женщина, добрая и покладистая, а вернулась ополумевшая баба – вздорная, склочная...
- Надо было стеречь, – усмехнулась она.
- Что? – удивленно спросил Деревяшка.
- Лампу.
- Какую лампу?
- В которой живет джинн. Исполняющий желания. Ты слишком долго пользовался мной, Алик. Ты меня не берег. А другие мужчины боялись подступиться. По-моему, ты никогда меня и не любил.
- Договорилась! Ты бредишь, Дуся. Но это пройдет.
- Нет.
- Пройдет, – уверенно сказал он.
- Вместо ответа она принялась собирать вещи. Как долго продлится бракоразводный процесс? И как поведет себя Деревяшка? Пока он держится достойно. Покричал, конечно. Но истерики не устраивает, за руки ее не хватается. Сидит, смотрит, как она закидывает в чемодан короткую кожаную куртку. Усмехается.
- Зимние вещи можешь оставить. Я думаю, это надолго не затянется. К осени ты сюда вернешься.
- Мечтай!
- Кстати, нам надо обсудить условия контракта. О котором я договорился. Позвони, как только успокоишься.
- Я спокойна. Что же касается работы... У меня другие планы. Творческие.
- Понятно: ваять любовника. – Деревяшка усмехнулся. – Эх, Дуся! Все, что тебе нужно – это натура. В горнило своего таланта ты бросишь все: мужа, любовника, друзей, детей... Если они у тебя будут. Я потому и не хочу детей: им судьба быть несчастными, брошенными. В тебе и

страсть-то проснулась потому, что вдохновение ушло. Все расплавится там, в горниле, и превратится в шедевр. На остальное тебе наплевать. Скульптура будет готова – и твое увлечение пройдет. Я представляю, что это. Он, конечно, молод, красив, говорит, что любит тебя. Разумеется, страстно. Но он не понимает, для чего ты живешь. Я это понимаю. – Дере ткнул пальцем в грудь. – А он нет. Вот потому ты и вернешься ко мне. А я тебя прощу, потому что ты – талант. Нет, Дуся. Ты – гений! А жить с гением – это искусство. Не меньшее, чем быть гением.

Маргарита Мун оторопела. Дере впервые так высоко отзывался о ее таланте. А вот ругал раньше много. Что это с ним? Какая муха укусила мужа, что он расщедрился на комплименты? Но какая теперь разница...

– Все. Я ушла.

– Давай, – вяло сказал Дере.

Она закрыла за собой дверь и пошла к лифту. Чемоданы были тяжелые. Попросить мужа донести их до машины? И как это будет звучать? «Милый, я от тебя ухожу, перевези мои вещи к любовнику и переведи все деньги на мой счет». Альберт Дере человек благородный, но всему есть предел. Ему тоже надо на что-то жить. Она старалась не думать о том, правильно ли поступает. Решение принято. Через три дня прилетает Сеси.

Как и обещала, она встретила его в аэропорту. Немного волновалась. А вдруг очарование развеется? Пляжный мачо не впишется в ландшафт огромного мегаполиса? Она увидит его и пожалеет о своем поступке. И что дальше? Сдать его в приют для бездомных животных? Нет, милая. Теперь ты за него отвечаешь. И он будет жить в твоём доме.

Эти три дня она тосковала, пыталась лепить, но за отсутствием натуры работа не шла. Она ждала Сеси. И вот он прилетел. Загорелый дочерна, в шортах и белоснежной футболке. На него оборачивались женщины: он был все так же красив. Нет, еще лучше! Она поняла, как сильно влюблена. В Москве догорала весна. Остаток мая тлел, не грея, но чадя. Солнце было жарким, но его закрывали облака. Люди невольно щурились: солнцезащитные очки только мешали при таком освещении. Ни день, ни сумерки. Чад. И – душно. У нее началась мигрень.

Увидев ее машину, Сеси сказал:

– Здорово!

Она пожала плечами: не бог весть что. Не самая дорогая. Но – новенькая. Спасибо Лимбо! Обивка салона была чуть темнее его глаз: голубая. Вместе они смотрелись: Сеси и машина. Он, вальяжно развалившись, сидел рядом с ней на переднем сиденье.

«В конце концов, он еще ребенок», – успокаивала себя Маргарита. Она немного волновалась. Каково это будет: жить вместе? Что такое жить с Дере, она знала. А с Сеси? Ведь он так молод!

– Ты поговорила с мужем? – спросил Сеси.

– Да. Мы разъехались.

– А когда развод?

– Нам надо делить собственность. Это через суд.

– А разве не все твоё? Квартира, машина, дача.

– Мы покупали это вместе.

– А денег у тебя много?

– Достаточно. Я ведь работаю. И ты мне поможешь.

– Как скажешь. Я соскучился!

– Я тоже. – Она улыбнулась.

Дом ему понравился. Какое-то время он стоял у ворот, разглядывая особняк с улицы. Она загоняла машину в гараж. Сосед, проходя мимо, удивленно спросил:

– А вы кто, молодой человек? Здравствуйте.

– Добрый вечер. Я – новый муж Евы, – важно ответил Сеси.

– Новый му...

Карл Янович превратился в соляной столб.

– Сеси! – крикнула она, закрыв гараж. – Ну что же ты? Заходи!

– Маргарита Ивановна! – жалобно позвал сосед.

– Да? Что такое?

– Можно вас на минуточку?

Она вернулась. Сеси же вошел наконец в ворота и направился к высокому крыльцу.

– Этот юноша утверждает, что он ваш новый муж, – наябедничал Карла Янович.

– Да, это так.

– Но... как же? Ему же... э-э-э... лет двадцать.

– Двадцать три.

– Выходит, правду говорят? О распущенности людей богемы?

– А почему я должна это с вами обсуждать?

Она принялась запирает ворота. Карла Янович все не уходил. А когда наконец двинулся вдоль по улице, она усмехнулась: завтра об этом будут знать все. Весь поселок. О том, что Маргарита Мун ушла от мужа и будет жить теперь с двадцатилетним юнцом. Хит сезона! Скоро сюда нагрянут журналисты.

Когда она вошла в дом, Сеси спускался со второго этажа. В глазах у него был восторг.

– Какой огромный дом! Шикарно!

– Ты преувеличиваешь.

– Что ты! Я живу в однокомнатной квартирке на окраине, ты бы видела мою мебель!

– Тебе надо забрать оттуда вещи.

– Конечно! Ты и в самом деле не передумала?

– Нет. Я не меняю своих решений.

Она прошла в мастерскую. Сеси, как пришитый, за ней.

– Стань здесь, – велела она. И принялась поправлять лампу, пока свет не упал на его лицо под нужным углом. Отлично! Так она и думала! У него классический профиль, высокий лоб и замечательная линия губ. Верхняя похожа на изогнутый лук, ямочка между ней и носом четкая. А брови! Какой рисунок! Отлично!

– Разденься.

Он послушно снял футболку. Маргарита Мун прицелилась. Альберт Дер в молодости был не так хорош. Когда охотно позировал ей. Нос у него мясистый, губы сочные, торс мощный, талия не так тонка, мышцы не так рельефны. Нет, лампой Сеси не быть. А быть ему...

– Ева!

– Да? Что такое?

– Я устал.

– Уже?

– Автобус, самолет.

– Ах да! Я совсем забыла! Тебя же надо покормить!

Она прошла на кухню. Сеси следом.

– Ух ты! – сказал он. – Шикарно! Какая огромная кухня! В моей квартирке – шесть метров. А здесь... Ева, а ты умеешь готовить?

– Конечно! Я же в деревне родилась. Приходилось помогать матери по хозяйству. Готовкой я занималась охотно, мне нужна была печь.

– Что?

– Печь. Обжигать глиняные фигурки. Омлет будешь?

– Конечно!

Готовить она умела. И любила. Отвлекало. Думала она при этом о другом. Сейчас, к примеру, пауза была кстати. Она выбирала материал. Что бы пошло Сеси? Он слишком уж мягок для стали.

А если из синтетической смолы? И раскрасить? А может, отлить его из бронзы? Или все-таки глина? Но – хорош! Натура замечательная!

– Сеси, я заработаю на тебе состояние! – сказала она с чувством, перекладывая омлет из сковороды в тарелку.

– Надеюсь, ты со мной поделишься?

– Если будешь хорошо себя вести. – Она улыбнулась.

Он старался. Бурная ночь ее утомила. Даже работать утром не захотелось. «Эдак я совсем разленюсь», – зевнула Маргарита Мун, нежась в постели. Но во второй половине дня дело пошло. Жизнь налаживалась. Постепенно все приходило в норму.

Прошла неделя. Она работала, Сеси осваивался. Ленился он охотно. Подолгу стоять, позирова, она его не заставляла. Работала над деталями, отпустив модель на свободу. Черты его лица были у нее в памяти. Она видела это прекрасное лицо каждое утро. Каждый вечер. И каждую ночь. Это было вдохновение, но не такое, как обычно. Отравленное любовью. Она пока не понимала, хорошо это или плохо. Сердце сочилось сладким ядом, было чувство то ли опьянения, то ли отравления. Когда голова кружится, ноги подгибаются и даже тошнит. Она объедалась любовью. Пиршество длилось вот уже неделю.

Журналисты пока не беспокоили: началось лето, мертвый сезон. Она наслаждалась покоем и работой. Прошла еще неделя: тихо. Зато пожаловал Альберт Дер. Она этого ожидала. Неужели удержится? Ему же интересно взглянуть на ее любовника. Да и контракт надо подписать. Он приехал на машине и долго звонил в дверь. Она уже взяла за привычку вставать поздно, потому что засыпала теперь за полночь. Сеси был ненасытен, ведь ему абсолютно нечем было заняться. Только ею и ее телом. Он был молод и, казалось, неутомим. Бурные ночи отнимали у нее много сил, но остановиться она не могла. Ведь позади пятнадцать лет спячки. Она наверстывала упущенное.

В дверь все звонили и звонили. Она с трудом поднялась с постели и спустилась вниз, на первый этаж.

На пороге стоял Альберт Дер.

– Ну и вид! – Он покачал головой. – Ты здорова, Дуся?

– Да. Прекрасно себя чувствую!

– Оно и видно. – Дер хмыкнул.

– Зачем ты приехал?

– Как это? А контракт? Ты же не звонишь. А люди ждут.

– Ну хорошо. Заходи, обсудим. Только тихо. Сеси еще спит.

– Кто?!

– Сеси.

– Значит, его зовут Сеси. – Дер вновь хмыкнул. – Ну и имечко! Интересно взглянуть, что это за чудо. Он что – француз? Кого ты подцепила в Египте? Надеюсь, не венерическое заболевание?

– Кофе будешь?

– Да!

Она варила кофе, когда в кухню спустился Сеси. Он был в шортах, с голым торсом. Хорошенький, как купидон, изнеженный ее ласками. Глаза в лучах июньского солнца казались совсем светлыми, брови же, напротив, были черны как ночь. «Какие яркие краски!» – невольно подумала она. И тут же мысленно принялась перебирать палитру.

– Как пахнет! – зевнув, сказал Сеси. – Ева, я тоже хочу кофе! У меня поутру зверский голод!

Он направился к холодильнику, по-хозяйски хлопнул дверцей.

– Кто это? – Деревытащи глаза.

– Ева, а что он здесь делает? – не остался в долгу Сеси.

– Сеси, познакомься. Это мой муж, Альберт Валерианович.

– Как-как?

– Альберт Валерианович Деревы, – сквозь зубы процедил тот.

– Сочувствую. Имечко у вас...

– Кто это говорит?! – взвился Деревы. – Щенок с кошачьей кличкой!

– Ева, я вижу, твой муж очень нервный. Ему не нравится пить кофе в моей компании.

Я подожду, пока он уйдет. Если что – крикни.

Сеси сделал себе пару бутербродов и ушел, оставив их с Деревы наедине.

– Как он тебя называет? – переспросил муж. – Евой? Что это за имя?

– Нормальное. Не хуже, чем Дуся.

– Он ведет себя как хозяин!

– Сеси здесь живет. Он на своей территории, потому так себя и ведет.

– И ты это позволяешь?!

– Не нервничай. У меня все в порядке.

– Заметно!

– Пей кофе.

Он все-таки нервничал и проливал из чашки. Она молчала. Назревает скандал. Видимо, он не ожидал, что Сеси так молод и красив. Наконец Деревы сказал:

– Я вижу, тебе не до работы.

– Отчего же? Я леплю новую скульптуру.

– Этого щенка?

– Сеси. Его зовут Сеси.

– Где ты его подобрала? На помойке?

– Если ты не сменишь тему, тебе лучше уйти.

– Хорошо. Покажи.

Она задумалась. В конце концов, Алик больше десяти лет ее менеджер. Сеси в искусстве ничего не понимает. Альберт Деревы – дело другое.

Он бывал и за границей, на престижных выставках, аукционах, следит за тенденциями в современном искусстве, за тем, что хорошо продается. Она решилась.

– Пойдем.

И Деревы был допущен в святая святых – в ее мастерскую. Она кивнула на неоконченную скульптуру: смотри. Он долго молчал. Это ее насторожило. Если бы Деревы начал ругать ее работу, это было бы логично. И она бы успокоилась. Но он молчал.

– Ну, что скажешь? – не выдержала она.

– Тебе надо успокоиться.

– То есть?

– Я понимаю: тебя переполняют чувства. Когда мы с тобой поженились, было что-то подобное. Ты захлебываешься. Теряешь форму, Дуся. А ведь ты за нее так боролась! Но это уже не неоклассицизм. Это – кич! И ты опять промахнулась с руками.

– Убирайся вон!

– Не нервничай, – сказал теперь уже он.

– Вон, я сказала!

– Разве я в этом виноват? В том, что у тебя не получается? Это влюбленность тебе мешает. Ты ослеплена. Заметь: я не сказал «любовь». Любовью здесь и не пахнет. Ну хорошо. Хочешь – ставь в московском сквере *это*. Наплевать. Только одень его. Создай видимость благопри-

стойности. Найдутся почитатели. Юноша и в самом деле красив. Я тебя понимаю... А о нем ты подумала? Что будет, когда все закончится? Когда скульптура будет готова?

- Я выйду за него замуж.
- Ты спятила!
- Ничуть. Я уже всем об этом сказала.
- Кому это «всем»? – оторопел Дерев.
- Соседям. Весь поселок знает. Придут журналисты – я и им скажу.
- Дура!
- Счетовод!
- Никакого развода ты не получишь!
- А мы посмотрим!
- Да я тебя...
- Сеси!

Он влетел в мастерскую.

- Что такое?
- Альберт Валерианович уходит. Проводи его.
- Это мой дом! – заорал Дерев. – Если захочу, я останусь!
- Дом мой, – возразила она. – Захочу – и квартира будет моя! И деньги мои!
- Размечталась! Да пусти ты меня! Щенок!

Дерев попытался оттолкнуть ее любовника. Он был шире в плечах и тяжелее – но Сеси выше ростом, спортивнее, моложе и проворнее. Завязалась небольшая драка. В конце концов Сеси заломил Альберту Валериановичу руку и повел его к дверям. Дерев ругался. В ее адрес сыпались проклятия.

А на следующий день нагрянули журналисты. Она давно их ждала. Лето летом, а сплетни желтой прессе нужны постоянно. Чтобы огонь пылал, в топку надо постоянно подбрасывать дрова. Полено по имени Маргарита Мун с марта месяца в деле, но, как оказалось, и до половины не сгорело. Только-только закончили с Лимбо – а она живые картины приготовила! А натура какова? Замелькали вспышки.

Сеси сначала растерялся от такого внимания, а потом вошел во вкус. Начал объяснять, где они познакомились и как собираются жить дальше. О скульптуре, которую лепит с него великая Маргарита Мун. В конце концов она велела:

- Заткнись!

И затолкала его в дом. Им удалось сделать несколько снимков и получить заявление двадцатилетнего юнца, что он собирается прописаться в ее особняке. И что скоро свадьба. Она задернула шторы и мысленно сказала себе в утешение: ничего, привыкнут. Неделя – и скандал утихнет.

На следующий день они с Сеси были на первых полосах газет.

- А я фотогеничен, – счастливо улыбнулся он, рассматривая фотографии.

Заголовки были впечатляющие. «За натуру платят натурой?» «Новая любовь Маргариты Мун – это надолго?» «Замуж за натурщика!» «Постигнет ли Сеси судьба Лимбо?»

- Твою мать! – с чувством сказала она. И отшвырнула газеты.
- А мне нравится!
- Зачем ты ляпнул, что скоро свадьба?
- Разве ты не собираешься за меня замуж?
- Собираюсь, но...
- Значит, я сказал правду!

А вечером нагрянула Клара. На этот раз без шампанского. Увидев ее, Сеси фальшиво сказал:

- Я пойду в гараж, посмотрю машину.

И испарился. Клара прошла в гостиную и, усевшись на диван, начала ей выговаривать:

– Ну знаешь! Могла бы предупредить!

– Зачем?

– Я твоя подруга! Могла бы посоветоваться!

– В таких делах совета ни у кого не спрашивают. Я влюбилась и решила, что нам с Сеси надо быть вместе.

– Но почему я обо всем узнаю из газет? Лучшая подруга называется! Ты разводишься с Дерев, выходишь замуж, а я об этом узнаю последней!

– Ты должна быть счастлива. По-моему, с Сеси у тебя прекрасные отношения.

– Дуня! Опомнись! Положить плоды двадцатилетнего труда, деньги, славу, репутацию к ногам какого-то мальчишки! Это сильно! Слишком сильно!

– Но ты же сама хотела...

– Чего? Твоего развода? Я хотела не этого.

– Чего же?

– Чтобы ты наставила наконец рога этому ослу Дерев. Чтобы ему было больно. Я ведь знала, что ты все ему расскажешь.

– За что ты его так ненавидишь? Что между вами произошло?

– Ничего, – ровным голосом сказала Клара. – Абсолютно ничего.

«Все», – поняла она и похолодела. Неужели у них был роман? Но когда? Пятнадцать лет она замужем, столько же Дерев и Клара собачатся! Нет, здесь другое. Но что тогда?

– Радуйся – ты отомстила, – сказала она. – И знаешь что? Спасибо тебе!

– Что? – Клара отшатнулась. – Что ты сказала?!

– Спасибо. Я так люблю Сеси. И он меня любит. Я счастлива. Я никогда не чувствовала себя на таком подъеме.

– Подумать только! – Клара вскочила. – Ей все идет на пользу! Все, что другим во вред!

– Что ты имеешь в виду?

Она вдруг вспомнила растерзанную Лимбо. Неужели?

– Я много раз думала: тебе конец, – раздраженно сказала Клара. – Думала, ты захлебнешься работой, надорвешься. Потом поняла, что работа тебя не убьет. И твой брак тебя не убил. Не ушла бы ты от своего До-диза, если бы я не подсунула тебе этого мальчишку!

– Клара!

– А ты – счастлива! Подумать только! Ты – счастлива! А мне что теперь делать? Когда я так несчастна?! Ты меня просто убила! Я хотела, чтобы это случилось с тобой, а случилось-то со мной! Я погибла!

– За что? – опешила Маргарита.

– А ты подумай.

Подруга стремительно зашагала к выходу. Маргарита Мун стояла, как оглушенная. Выходит, это Клара желала ей смерти? Неужели Лимбо – ее рук дело? И что значит «подсунула этого мальчишку»?

– Сеси!

Ах да, он в гараже! Она кинулась в холл, посмотрела в окно. Сеси о чем-то разговаривал с Кларой, лица у обоих были напряженные. Если бы она умела читать по губам! Но нет. Слов разобрать невозможно. Наконец хлопнула калитка, заработал мотор. Клара уехала. Она вышла на крыльцо и крикнула:

– Сеси!

Он подошел, заглянул ей в глаза.

– Я заменил свечи. Хорошая техника, но за ней надо следить.

– Ты давно знаешь Клару?

– Я тебе уже говорил. Она была частой гостьей в нашем отеле.

– Ты же сказал: видел два-три раза. А теперь: частая гостья.
– Я что – считал?
– Между вами точно ничего не было?
– Нет. – Он отвел глаза.
– О чем же вы сейчас говорили?
– Она меня поздравила.
– Хорошо. Подробности я знать не хочу. Надеюсь, теперь все твое внимание достанется мне?

– Ева!
– Из-за тебя я потеряла самых близких людей: мужа и подругу. Тебе придется их заменить.

«Что я такое говорю? – Она развернулась и ушла в дом. – Разве может Сеси посоветовать что-нибудь дельное? Устроить выставку? Договориться об аренде помещения? Выбить выгодный контракт? Или красить мое одиночество, устроив шопинг, который закончится веселым ужином в ресторане?»

– А почему мы нигде не бываем? – спросил он вечером, словно прочитав ее мысли.
– А куда бы ты хотел пойти?
– На тусовку! Ведь ты знакома со знаменитостями! Я тоже хочу! Вот бы увидеть их живьем! Поп-звезд, известных артистов!
– Сейчас не сезон, – усмехнулась она. – Все разъехались.
– А мы? Поедем куда-нибудь?
– Я уже отдохнула.
– Ты хочешь сказать, что мы все лето просидим здесь, в Москве?!
– Это не Москва. Дачный поселок. Все так делают: зимой в городе, летом на даче. Здесь тихо, спокойно.
– Ева! У меня в сентябре начинаются занятия! Летом я хочу оторваться!
– Хорошо. Я что-нибудь придумаю. Поедем завтра в ресторан.
– Туда, где можно встретить твоих друзей!
– Друзей? – удивилась она. – Да, конечно.

Скульптуры Маргариты Мун охотно покупали богатые и знаменитые. Но она никогда не считала их своими друзьями. Это были заказчики. Они платили ей деньги, они приняли ее в свой круг. Показать им Сеси? Его будут принимать, но он станет мальчиком для битья. Каждая его промашка моментально будет высмеяна в светской хронике. Никто и никогда не будет его уважать, потому что слава, добытая через постель, – это слава второго сорта. Но он не понимает. Это молодость. Когда любые средства хороши. Юноши и девушки не думают о репутации, о том, что отмыться гораздо труднее, чем запачкаться. Потом они вырастают и начинают мучиться тем, чем раньше гордились. Когда имидж секс-символа уже не налезает, растягиваясь на расплывшихся телах до уродливых размеров, это вызывает только жалость и смех. Неужели Сеси хочет стать посмешищем?

Просто он еще слишком молод, чтобы думать о будущем. Вспомни себя в двадцать лет! Ты тоже жила днем сегодняшним. А ошибок не наделала лишь потому, что рядом был Алик Дерев. Человек разумный.

Забуть! К черту Альберта Дерев! Они с Сеси едут ужинать в модный ресторан!

Сам ужин прошел без эксцессов. Все уже были в курсе: Маргарита Мун разводится с мужем. Ее любовник был моментально идентифицирован и рассмотрен. Она поймала пару насмешливых улыбок и два-три завистливых женских взгляда. Сеси был особенно хорош в голубой рубашке с отложным воротником и светлых джинсах. Какая-то девчонка из тех, что

тусуются в модных заведениях, охотясь на богатых женихов, подошла к нему и с вызовом спросила:

- Можно автограф?
- Мой? – Сеси оторопел.
- Да!
- Пожалуйста!

Маргарита Мун улыбалась. У Алика Дере автограф никогда не брали. Ни разу. Тем более – в ее присутствии... Глупая женщина стала бы ревновать – она же улыбалась. Слава-однодневка. Короткая, а потому такая яркая. Сеси расписался у девчонки в блокноте. Он был счастлив. Маргарита заказала десерт.

– Вот видишь: и я знаменитость! – с восторгом сказал Сеси.

– Не обольщайся, – усмехнулась она. – Для того чтобы закрепиться в их хорошеньких головках, надо чем-то заниматься. Петь, плясать, бить в барабан, мелькать в сериалах. Быть любовником знаменитости мало.

– Но ты мне поможешь?

– Чем? Бить в барабан?

– Ведь ты всех знаешь. Модных режиссеров, продюсеров. Я мог бы мелькать в сериалах.

– Мог бы. Но мы поговорим об этом после.

Устраивать актерскую карьеру Сеси она не собиралась. Это значило потерять его. Маргарита Мун была умной женщиной. Сеси для нее только-только начинался. Он был азбукой, где лишь под конец слоги начинают складываться в слова – а до связного текста еще ой как далеко!

Она знала все его мысли, понимала чувства, которые им движут. Она могла удерживать его столько времени, сколько захочет. А сколько может двадцатилетняя девочка, подошедшая за автографом? Они слишком уж похожи, потому будут тянуть одеяло каждый на себя. А она уступит, еще и подоткнет, чтобы ему не дуло. Он выберет негу и ласку, а не ежедневные скандалы на тему того, кто имеет больше прав.

Домой они вернулись около десяти часов вечера. Июньские дни были такие длинные! Солнце не успевало отдохнуть за ночь – едва закатившись за горизонт, оно уже спешило подняться. Казалось, что эти несколько ночных часов оно так и лежит в колыбели из верхушек сосен. Оттого и небо не черное, а пепельное.

Она ясно видела: на крыльце что-то белеет. Почта? Но почтальоны не приходят ночью. Еще в пять часов вечера ничего не было. Сердце тревожно забилося. Сказать, чтобы Сеси посмотрел? А если она ошибается? Нет, надо самой. Сеси загонял в гараж машину. Он теперь постоянно жаловался на отсутствие практики вождения. Она уже поняла, что Сеси мечтает о машине. Не прочь попользоваться пока ее, но рассчитывает на собственную. Последние десять километров машину вел он. Привыкал к коробке-автомату.

Маргарита поднялась на крыльцо. Это не газета и не конверт с письмом. Она нагнулась, подняла то, что лежало у порога. Все тот же листок формата А4. Бумага для принтера. Сложенная вчетверо. Маргарита развернула и прочитала: «Как ты могла? Предательница! Тебе это с рук не сойдет! Готовься!»

Те же огромные печатные буквы. Предупреждение. Готовиться к чему?

– Сеси! – крикнула она.

– Что случилось? – Он, не торопясь, запирает ворота гаража.

– Иди сюда! Немедленно!

Сеси взлетел на крыльцо.

– Вот. Смотри.

Она протянула ему листок.

– Что это?

– Понимаешь... – Взялась рукой за шею, стала ее мять. Дыхание перехватило, голос был хриплым. – Он мне угрожает. Тот, кто убил Лимбо. Я ее восстановила, и он начал мне угрожать. Первую записку я на всякий случай сохранила. И вот опять. Это писал один и тот же человек!

– А в милицию заявила?

– Нет. Я думала, это Дерев.

– Твой муж?

– Ну да. Что он хочет пиара. Но теперь... Я даже не знаю, что думать! Мне страшно!

Она прижалась к нему. Подбородок Сеси уперся в ее макушку. Сильные руки крепко ее обняли, он горячо зашептал:

– Не бойся. Я ведь с тобой.

– Да-да... Это хорошо... Хорошо, что ты со мной. И что ты не работаешь, в отличие от Дерев. Он не мог все время быть со мной. А ты можешь.

– Как думаешь, кто это? – тихо спросил Сеси. Она отстранилась. Посмотрела на соседний дом, потом сказала:

– Надо спросить у соседей. Не мог он войти в калитку незамеченным. Дом был закрыт, а калитка нет. Мы ведь уезжали ненадолго. Я не повесила на нее замок.

– Надо запирать.

– В следующий раз – обязательно.

– Карлик мог его видеть.

– Какой карлик? Ах, Карл Янович!

В том, что высокий Сеси называл соседа карликом, не было ничего удивительного. Она надеялась, что со временем запомнит и отчество. Но мысль дельная.

– Я сейчас. Схожу на соседний участок.

– Может, вместе пойдем?

– Нет. Ты лучше осмотри дом. В прошлый раз он проник в мастерскую.

Сеси кивнул и скрылся за дверью. Она же отправилась к соседу. Карла Янович копился на своем участке, у беседки. Что-то пропалывал и рыхлил. Сгорбившись, он казался крохотным.

– Карл Янович! – окликнула она.

Сосед выпрямился. Взгляд у него был настороженный.

– Извините, что беспокою вас так поздно.

– Поздно? – Он взглянул на небо. Сумерки еще не сгустились. Карл Янович посмотрел на часы и воскликнул: – Надо же! Заработался! А ведь и в самом деле! Одиннадцатый час! Что-то случилось, Маргарита Ивановна? Вы, похоже, напуганы.

– Да. То есть нет. Пока меня не было, никто к нам не приходил?

– Я не шпионю за соседями. И какое-то время отсутствовал. В магазин ездил. За продуктами.

– Но может быть, вы кого-то видели? Или машину?

– Ах да! Я вспомнил! К вам заезжала высокая эффектная блондинка!

Она наморщила лоб. Эффектная? Высокая? Ну конечно! Он имеет в виду Клару! Она не высокая, но ведь и Карл Янович не великан. И уточнила:

– Она приезжала на красной машине?

– Именно. Мне кажется, это ваша подруга. Она часто приезжает.

– Да. Это Клара. Моя подруга.

– Она оставила машину у ворот, вошла в калитку, а через какое-то время вышла. Я хотел крикнуть, что вас нет дома – я видел, как вы уезжали. Но она толкнулась в дверь, поняла, что заперто, потом достала мобильный телефон и стала кому-то названивать. И я ушел в дом.

Маргарита Мун вспомнила: было несколько звонков от Клары, на дисплее высветился номер подруги. Но она не ответила. Значит, Клара приезжала. Не достучалась, не дозвонилась

и оставила записку с угрозой? Но зачем? Карл Янович смотрел на нее вопросительно, и она спохватилась.

- Что ж. Я узнала все, что хотела. Большое спасибо.
- Не за что. У вас все в порядке, Маргарита Ивановна?
- Да. А почему вы спрашиваете?
- Ваш новый муж ведет себя подозрительно.
- Муж?
- Он сказал, что вы скоро распишитесь.
- Да. Возможно. А что вас смущает?
- Во-первых, он намного моложе.
- А во-вторых?
- Он кокетничает с дочерью Елизаветы Павловны.
- Кто такая Елизавета Павловна?
- Ее муж работает в министерстве. Они живут напротив.
- Но Сеси почти не выходит из дома!
- Вы все время работаете, Маргарита Ивановна. А он болтается по участку. Я понимаю, что это не мое дело, но вы бы пресекли. И его кокетство, и... Он вам не пара. Его девочки интересуют.
- Спасибо за совет. Спокойной ночи.
- Спокойной ночи, Маргарита Ивановна.

Она чувствовала спиной его взгляд: Карл Янович стоял, опершись на грабли, и смотрел ей вслед. Маргарита Мун чувствовала себя преступницей. То-то соседи слева перестали здороваться! Зато с теми, что напротив, отношения завязываются. Выходит, Сеси постарался? Она нахмурилась.

Сеси встретил ее на пороге дома и радостно сказал:

- Ничего не тронули. Все цело. А ты что узнала?
- Клара приезжала.
- Клара? – Он помрачнел.
- Ты что, боишься ее?
- Нет. С чего ты взяла?
- А с какой девушкой ты кокетничаешь, пока я работаю?
- Какая девушка? – Сеси растерялся. – Нет никакой девушки.
- Мне сосед сказал.
- Карлик – шпион! – с ненавистью сказал Сеси. – Подозрительный тип. Он за нами подглядывает. Я видел его в окне второго этажа с биноклем.
- Глупости!
- Он подглядывает, когда ты одеваешься. И еще: его интересует наша спальня. Когда мы с тобой занимаемся там любовью.
- Сеси! Ты переводишь стрелки!
- Ничего я не перевожу. Это он на меня наговаривает.
- Господи! Как вы мне все надоели! Кляузничаете друг на друга! Я хочу жить спокойно!
- У тебя слишком много денег, чтобы жить спокойно.
- Похоже, вы вступили в борьбу за наследство. Но у тебя-то, милый, пока нет ни малейшего шанса. Разве что я сейчас же напишу завещание и откажу тебе Лимбо.
- Разве Лимбо не продана?
- Продана! С потрохами!
- И ты, конечно, шутишь, когда говоришь о завещании?
- Разумеется, шучу. Я немного успокоилась... Пойдем спать.

Она прошла в кухню, к холодильнику. Надо выпить. Расслабиться, успокоиться. Сеси рядом. Молодой, сильный мужчина. Вон как он расправился с Дерё! Рядом с ним спокойно. Что же касается Клары – довольно от нее прятаться! Опасность надо встречать не спиной, а глаза в глаза. Она позвонит Кларе. Но завтра. И назначит встречу. И выяснит все. Почему они поссорились с Дерё? Что значит «подсунула этого мальчишку»? И зачем Клара подбрасывает ей записки с угрозами?

Торс

Клара ответила на звонок мгновенно, как будто ждала. Фальшиво пропела:

- Дорогая, как я рада слышать твой голос!
- Ты звонила мне три раза, – сухо сказала Маргарита Мун. – И приезжала к нам вчера вечером. А после этого я нашла на крыльце записку с угрозами.
- Какую записку?
- Прочитывать? «Предательница! Тебе это с рук не сойдет! Готовься!»
- Ты думаешь, это я написала?
- А кто?
- Дуня, но зачем мне это?
- А зачем ты приезжала?
- Хотела попросить прощения.
- Прощения?
- Я наговорила глупостей, извини.
- По-моему, ты сказала что думала. Правду. С тобой это так редко случается!
- Дуня, какие счеты между подругами! Неужели двадцать лет дружбы ничего не стоят?

Я погорячилась. Временное помутнение рассудка.

- Так погорячилась или помутнение?
- Дуня, я так тебя люблю! Ну, прости меня, дуру!
- Хорошо, если ты расскажешь правду.
- Какую правду? – Клара мгновенно насторожилась.
- О том, что произошло между тобой и Дере. За что вы друг друга так ненавидите. И правду о том, откуда взялся Сеси.
- Как это откуда? Я же рассказывала тебе о секс-туре!
- А теперь я хочу знать *правду*! Клара, хватит врать! Вы знакомы давно! Он что – твой любовник?
- Какая чушь!
- Тогда кто?
- Тебе-то какая разница, если ты за него замуж собралась? – насмешливо сказала Клара.
- Мне нужна правда! Кто он такой? Откуда взялся?
- А у него спросить?
- Я спросила. Он учится на менеджера, год был в академке. Родом из маленького провинциального городка, отец умер, мать временно не работает. – Клара при этих словах хмыкнула. – Но я не то хочу знать! Что ты имела в виду, когда сказала «подсунула этого мальчишку»?
- О Господи! С языка сорвалось! Я же сказала, что погорячилась.
- Клара!
- Ну хорошо. Только не по телефону.
- Согласна. Где мы встретимся?
- Видишь ли, дорогая, сейчас я занята.
- Занята? Чем? – искренне удивилась Маргарита.
- У мужа полугодовой отчет на носу.
- Ты-то там с какого боку?
- Понимаешь, налоговая проснулась. Танком по всем хотят проехать. Платоша нервничает. Имущество-то на меня записано! А откуда у меня такие деньги, если я не работаю?
- Выиграла в лотерею.
- Точно! – Клара рассмеялась. – И что ж теперь – со всего налоги платить? В общем, задурил мой хомячок. Так что встреча переносится. На неделю.

– Хорошо. Меня это устраивает.

– Но мы помирились?

– Не знаю.

– Дуня!

– Я еще не знаю, насколько меня затрагивает то, что ты расскажешь.

– У тебя же двое мужчин! – Клара изобразила голосом многозначительность. – Выбери, кто из них достоин прощения. Все, пока. Целую. Созвонимся через неделю.

Она долго думала над словами Клары. А вдруг очередная ложь? Подруге ничего не стоит оболгать Сеси. И что такого ужасного может быть в его прошлом? Маргарита прекрасно знала, чем он занимался до встречи с ней. Удивить ее количеством любовниц? Это вряд ли. Может, опередить Клару и нанять частного детектива, который соберет информацию о Сеси? Она никогда не унижала себя слежкой за мужем, и любовника проверять не будет. Пусть все остается как есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.